

detective.ru

@ Автор

@ Название

Мария
Брикер

Мятный
шоколад

Издательство «Эксмо»

Мария Брикер

Мятный шоколад

«ЭКСМО»

2005

Брикер М.

Мятный шоколад / М. Брикер — «Эксмо», 2005

ISBN 978-5-699-20430-4

Чье-то колено с силой надавило на позвоночник и прижало ее к полу, лицо вдруг словно обожгло что-то легкое и воздушное, это легкое и воздушное скользнуло на шею и образовало петлю... Петля стала затягиваться удушьем сдавило грудную клетку, Алечка захрипела, забилась в конвульсиях, вытянулась в струну и затихла – петля ослабла, шелковый шарф с легким шелестом словно стек с ее горла. Торопливые шаги проследовали к выходу из квартиры, хлопнула входная дверь, и все стихло. Аля судорожно закашлялась, сделала несколько глубоких торопливых хриплых вдохов, перевернулась на спину и тупо уставилась в потолок, не в силах поверить, что ее сомнительное амплуа пригодились ей не в кино, а в реальности. Кажется, сегодня она сыграла свою лучшую роль – убийца поверил ей и ушел!

ISBN 978-5-699-20430-4

© Брикер М., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария БРИКЕР

МЯТНЫЙ ШОКОЛАД

Смерть не инородно враждебна жизни, она ее атрибут, обязательная принадлежность, она входит в понятие «жизнь».
Л. Гинзбург

Пролог

Берушин прочитал блеклую вывеску над входом, освещенную мутным фонариком-светлячком, и решительно потянул на себя дверь. Ошибки быть не могло – встречу ему назначили именно в этом гадюшнике с приторным названием «Сказки Шехерезады».

«Специально в помойку заманили, чтобы, значит, унижить и обезоружить», – подумал Антон Бенедиктович и, испытывая праведный гнев, спустился по узкой каменной лестнице в зал.

Душный полуподвальчик, пропахший кальянным табаком, корицей и дешевой жареной рыбой, тонул в сумрачном красновато-лиловом свете. От острого запаха пряностей невыносимо зачесалось в носу и заслезились глаза. Берушин достал из кармана платок, высморкался и хмуро огляделся. Несколько диванчиков и кресел в восточном стиле, стоящие вдоль грязновато-розовых стен, низкие столики, затоптанный аляповатый ковер, в углу небольшая барная стойка полукругом, тоже розовая, и высокие тонкие стульчики – короче, полная безвкусица.

В дальнем углу зала потягивал вино и читал газету сухощавый пожилой мужчина. За стойкой, не обращая на него совершенно никакого внимания, сосредоточенно протирали бокалы и беседовала с другим посетителем барменша, дородная дама с коровьими глазами. Больше в кафе никого не было. Тот тип, что разговаривал с барменшей, молодой крепкий парень с темным ежиком волос, сидел к Берушину спиной и монотонно раскачивался на высоком стуле. Без сомнений – это был он: гнусный шантажист, который решил выставить его на бабки. Его! Самого Берушина! Человека, так сказать, с большой буквы!..

Антон Бенедиктович сжал кулаки, широким шагом подошел к стойке и ногой выбил из-под задницы парня стул. Раздался грохот и звон разбитого стекла – падая, парень сгреб со столешницы несколько пустых бокалов и рюмок.

– Ах ты, придурок! – заголосила барменша и резво выскочила из-за стойки.

Оценив разницу в весовых категориях не в свою пользу, Антон Бенедиктович отступил на пару шагов назад и вжал голову в плечи. Проучить шантажиста он был готов, но драться с женщиной...

– Извиняюсь, – неожиданно мурлыкнула ему в лицо барменша, подлетела к ошарашенному парню, который, безуспешно пытаясь подняться, активно извергал изо рта матюги, нависла над ним, как скала, и отвесила смачную оплеуху. Парень затих, почесал бритый затылок и обиженно засопел.

Берушин в легком замешательстве приподнял брови. По всей вероятности, барменша не видела, кто поспособствовал товарищу в полете. Но зачем же так грубо с клиентом-то?

Замешательство, однако, длилось недолго: Берушин заметил на груди парня табличку «Официант Андрей», округлил глаза и медленно обернулся.

– Антон Бенедиктович, давно вас жду. Опаздываете, голубчик! Присаживайтесь, не будем больше терять времени зря! – с фальшивой любезностью воскликнул пожилой мужчина, отложил газетку, привстал и поклонился – происшедшее его как будто совсем не занимало.

Берушину, правда, в это верилось с трудом. Он подошел к столику, шумно отодвинул кресло и сел напротив мужчины, исподлобья разглядывая собеседника. На вид незнакомцу было лет семьдесят, но назвать его стариком Антон Бенедиктович не осмелился бы – слишком уж дерзко горели его цепкие светлые глаза юношеским азартом и цинизмом. «Авантюрист, – пришел к выводу Берушин, – причем авантюрист, косящий под аристократа. – Совсем не таким представлял он себе шантажиста! По телефону голос показался ему молодым, вот он и кинулся на несчастного официанта. – И хрен с ним, с официантом, – обернулся Антон Бенедиктович: парень по-прежнему сидел на полу с озадаченной физиономией, рядом суежилась барменша, собирая веником осколки стекла в совок. О чем это он? – Ах, да... Хрен с ним, с официантом, главное, сам я теперь выгляжу как полный кретин».

Судя по ехидному выражению лица, незнакомец всецело разделял мысли Антона Бенедиктовича по этому поводу.

– Как видите, я пришел один, без охраны, – буркнул Берушин, нервно теребя в руке лайковые перчатки. – Что вам от меня нужно?

– Вы, – перегнувшись через стол и сощутив глаза, прошептал незнакомец, и Антон Бенедиктович почувствовал, что бархатистая кожа перчаток вдруг стала влажной и прохладной.

Шантажист резко отстранился, пригубил вино из бокала, промокнул рот салфеткой и холодно улыбнулся, обнажив мелкие, но ровные белоснежные зубы. Берушин на мгновение онемел: незнакомец действовал на него, как удав на кролика. И это на него, на самого Берушина! Человека, так сказать, с большой буквы!..

Вспомнив вновь о своей значимости и возможностях, Антон Бенедиктович не на шутку осерчал, треснул кулаком по столу и стал медленно приподниматься со своего места.

– Не советую, – сухо сказал незнакомец. – Сядьте, Антон Бенедиктович, и успокойтесь. Давайте поговорим, как цивилизованные люди. Поверьте, это в ваших интересах. Тем более что тема нашего разговора коснется непосредственно вашей дочери.

– Что?! – потрясенно выдохнул Берушин и плюхнулся обратно в кресло.

Странно, он боялся этого каждый день, но сейчас не мог верить в то, что это действительно случилось. Как?! Как все выплыло наружу, ведь он все уладил? Дочка ни в чем не виновата, произошла дикая случайность. Он отпустил шофера и решил сам забрать ее с вечеринки. До дома оставалось два-три километра. Заехали на заправочную станцию, залили полный бак. Дочь попросилась за руль. Он уступил...

...Шоссе было пустынно. Темно. Поздняя осень. Снег вперемешку с дождем. Скользко. Резкий поворот. Женщина в тонком плаще, длинные каштановые волосы, очки. Свист тормозов, удар, паутина трещин на лобовом стекле... Его дочь – в дикой истерике... Он выходит из машины – лицо женщины в крови, она не двигается. Он щупает пульс... пульса нет. Пульса нет! Вокруг – ни души. Женщине уже нельзя помочь, а его дочери еще можно! Она так молода и только начала жить! Он оттащил труп подальше от дороги в кусты, засыпал тело ветками, подмороженными прелыми листьями и вернулся к машине. Его девочка уже не плакала, а тупо смотрела прямо перед собой...

– Вижу, Антон Бенедиктович, вы уже догадались, о чем идет речь. Понимаю, голубчик, было темно и скользко, ваша девочка растерялась и не успела нажать на тормоз. Со всяким может случиться. Уверен, она совершеннейшим образом раскаялась в содеянном. Недаром же вы ее сразу после этих печальных событий отправили нервишки подлечить в Швейцарию.

– Вы несете какую-то чушь! Моя дочь ездила в Швейцарию учиться, – вяло отбивался Берушин, пытаясь оттянуть время, чтобы как-то остудить мозги и настроиться на деловой лад. Несомненно, человек, сидящий перед ним, знал все. Но были ли у него веские доказательства? Кто он? Случайный свидетель? Предположим, он видел все и не захотел вмешиваться, но после выяснил, что соучастник преступления богат, вот и решил сорвать неслабый куш. Почему же тогда он ждал так долго?

– Господин Берушин, меня, право, ваше поведение в какой-то мере начинает раздражать. Пока что я довольно благосклонно расположен к вам, и мне бы не хотелось резко менять свое мнение. Понимаю, в данную минуту вы ломаете себе голову: откуда я могу знать о той ночи и какие у меня есть доказательства? Не буду больше держать вас в неведении. Взгляните на это. – Мужчина вытащил из кармана пиджака конверт и бросил на стол перед Берушиным.

Антон Бенедиктович повертел конверт в руках и нехотя открыл. Внутри оказались фотографии, на которых во всех подробностях был запечатлен кошмар той страшной ночи.

– Откуда у вас это? – хрипло спросил Берушин, изо всех сил пытаясь держать себя в руках.

– Мой хороший приятель подрабатывает частным сыском. Он следил за той женщиной по моей просьбе. Успокойтесь, господин Берушин. Что же вы так побледнели? Она не была моей любовницей или женой – и мстить за нее я не собираюсь. Она работала у меня горничной и имела дурную привычку подслушивать и подглядывать, в общем, совать свой длинный нос куда не следует. Мне стало крайне интересно: для кого это она так старается?

– Жаль, что я помешал вам удовлетворить ваше любопытство, – хмуро отозвался Берушин.

– Ну почему же, все тайное когда-нибудь становится явным. Бедняжка, оказывается, старалась ради себя, любимой. У горничной была розовая мечта – удачно выйти замуж за какого-нибудь дряхлого богатого старичка. Вы уже, наверное, догадались, что по причине своего преклонного возраста именно я и стал объектом ее девичьих грез. Она следила за каждым моим шагом, дабы как следует изучить добычу и точным выстрелом ядовитой стрелы Амура нанести мне сокрушительный удар в какое-нибудь слабое место. Бедняжка даже не подозревала, что женщины меня уже давно не интересуют.

Берушин опять напрягся и нервно заерзал в кресле. Незнакомец уловил его напряжение, на мгновение задумался и вдруг захохотал. Берушин сжался в комок: смех этот был невыносим, он действовал ему на нервы, сводил с ума.

– Сколько вы хотите, чтобы уладить проблему? – раздраженно спросил он.

Пора было ставить точку. Наступил момент расплаты за грехи. Берушин не сомневался, что счет будет внушительным. Он уже понял, что столкнулся не с обычным шантажистом, а с расчетливым, циничным негодяем с холодным рассудком и изворотливым умом. Последнее было очень плохо. «Какая все же несправедливость, что у бара сидел не этот человек, – тоскливо размышлял Антон Бенедиктович, сожалея всем сердцем о безвозвратно упущенных возможностях. – Падение с высокого стула в преклонном возрасте – не шутки. Могло случиться все, что угодно. Перелом ребер, рук, ног, возможно даже, амнезия! А еще лучше – перелом шеи. Маленький такой переломчик. Раз – и все дела!»

Собеседник молчал и насмешливо разглядывал его.

– Сколько?! – не выдержав паузы, сорвался Антон Бенедиктович. – Сколько?! Отвечайте!

– В материальном плане – нисколько. Я всего лишь хочу получить от вас эксклюзивное право в течение некоторого времени полностью распоряжаться вашей жизнью.

– Всего лишь? – иронически спросил Антон Бенедиктович. – Не слишком ли много вы хотите за опрометчивый поступок моей дочери?

– Вовсе нет, – самоуверенно отозвался незнакомец, – тем более что в случае успеха нашего совместного предприятия вы получите существенную прибыль.

– Прибыль? Вот оно что! – с облегчением вздохнул Берушин. – Вы желаете стать моим партнером по бизнесу?

– Опять не угадали, Антон Бенедиктович. Напротив, я хочу, чтобы именно вы стали моим партнером. Улавливаете разницу? Ваш замечательный, успешный бизнес меня совершенно не волнует. Меня интересуют вы, исключительно вы и ваша неординарная личность.

– А вы, собственно, кто? – нервно хмыкнул Антон Бенедиктович.

– Как вам сказать... – задумался на мгновение собеседник. – Можете считать меня режиссером человеческих судеб. – Незнакомец встал, достал из-под стола потертый кожаный портфель, вынул пластиковую папку и положил ее на стол перед Берушиным. – Это договор, – объяснил он. – В нем прописаны все условия нашего будущего совместного предприятия. Внимательно ознакомьтесь с ним и подумайте. Через пару дней я свяжусь с вами.

– А если я не соглашусь? – спросил Берушин, скорее по инерции, потому что уже понял – соглашаться придется в любом случае.

– Уверен, что ваш ответ будет положительным, иначе я должен буду признать, что жестоко ошибся в вас.

– Не понимаю... – удивился Берушин. Совсем не это он ожидал услышать от шантажиста. Незнакомец раздражал его и интриговал одновременно. Берушин даже поймал себя на мысли, что с непонятным, трепетным интересом поглядывает на папку, которая лежит перед ним.

– Поймете, голубчик, всему свое время. А теперь позвольте откланяться – дела, – ответил мужчина, бросил на стол пару сотенных купюр, торопливо натянул на себя темно-серый плащ, надел шляпу, подхватил чемоданчик и, кивнув Берушину, направился к выходу.

Антон Бенедиктович проводил взглядом невзрачную фигуру в плаще и огляделся. Барменши за стойкой не было, незадачливый официант тоже испарился, вероятно, отправился залечивать свои раны. В кафе Берушин находился совсем один. Стало неуютно и даже страшно, но непреодолимое желание немедленно заглянуть в папку перебороло и страх, и дискомфорт.

Он обернулся еще раз, опасливо придвинул файл к себе, чувствуя, как прохладный пластик обжигает пальцы, раскрыл и пробежал глазами первую страницу, затем вторую, третью... Он дочитал все до конца. Глаза его лихорадочно поблескивали, в груди нервно трепетало сердце. Человек, с которым Берушину довелось только что пообщаться, несомненно, был чудовищем, но каким гениальным чудовищем! Как незнакомец себя назвал? Режиссером человеческих судеб? В таком случае он, Берушин Антон Бенедиктович, согласен стать ассистентом и сделать все, что от него потребуется. Ради дочери, разумеется, мысленно поправился он, чтобы хоть как-то оправдаться перед возмущившейся было совестью за свои будущие поступки.

Часть 1

Восемь месяцев спустя

Глава 1

Скромная гримерша, или Божественное провидение

Капитан Федор Бурдыкин, сжимая в руке букетик душистой мимозы, конфискованной по дороге у лица без московской регистрации, на цыпочках подкрался к двери своей квартиры, вставил ключ в замок, тихонько повернул его и счастливо улыбнулся. Сегодня была трехлетняя годовщина его семейной жизни, и своим неожиданным возвращением из командировки Бурдыкин рассчитывал сделать любимой супруге приятный сюрприз.

С замиранием сердца Федя прокрался в прихожую, осторожно закрыл за собой дверь, снял старые грязные ботинки и тут... заметил, что его любимые тапочки отсутствуют, а вместо них, на том же самом месте, стоят новенькие щегольские чеботы с шелковыми, завязанными кокетливым бантиком шнурками, и ярко-красными стельками! Мимоза выпала из ослабевшей руки капитана, и веточки, усыпанные пушистыми желтыми горошинами, спланировали на пол рядом с чужими модными ботинками. Какая подлость! Какая несправедливость! Именно о такой модели обуви он мечтал вот уже второй год.

За спиной капитана послышался приглушенный щелчок, и свет в прихожей погас. Обычно с таким звуком вырубались пробки, когда жена запускала стиральную машину и одновременно гладила. Но в эту минуту ему было не до проблем с электричеством: никогда еще в своей жизни Федор Бурдыкин не прощал измен!

В другой комнате скрипнули половицы. Он распахнул дверь в гостиную, четким отработанным движением выхватил из кобуры пистолет, служивший ему верой и правдой несколько лет, снял его с предохранителя и хладнокровно разрядил всю обойму в темноту. Ни крика, ни стоны не последовало, лишь звук упавшего на пол тела, а вслед за тем – тишина. Понемногу его глаза привыкли к темноте. Он понял все, но было уже поздно. На полу лежала его жена, окровавленная и бездыханная, а рядом с ней валялась новая коробка из-под обуви. Обезумев от горя, он бросился на колени, прижал изуродованное пулями тело жены к своей груди и протяжно завыл...

Вспыхнул яркий свет.

– Стоп! Ну, вот, Абдуловский, совсем другое дело! Можешь, когда хочешь. Труп жены – свободен. Абдуловский, остаешься, после перерыва будем снимать эпизод, где Бурдыкин надевает новые ботинки и отрешенно ходит по квартире, размышляя, выброситься ли ему в окно или сдаться в руки правосудия. Труп, чего разлеглась? Свободна, я сказал! – рявкнул режиссер, шумно отодвинув от себя стул.

– В роль вошла, – обиженно проворчал «труп» и нехотя поднялся. – Меня, между прочим, Алевтиной зовут.

– Алевтиной, фигалиной, какая, на фиг, разница! Мне еще не хватало всех эпизодических актрис по именам помнить! Иди грим снимай, меня от вида крови мутит. Эх, нужно было все-таки тебя придушить, гораздо эстетичнее вышло бы, – мечтательно закатил глаза режиссер и безразлично покосился на девушку.

– Мне бы сегодня расчет получить, а? – нерешительно попросила Алевтина, отлепляя окровавленный бутафорский глаз от лица и машинально засовывая его в карман байкового, залитого бычьей кровью халата.

– Блин, меня сейчас вырвет, – режиссер зажал рот рукой и выбежал из павильона.

– Сорокина! – взывала гримерша и бросилась к девушке. – Ты чего, обалдела?! Зачем глаз в карман засунула? Знаешь, сколько он стоит?

Алевтина вытащила глаз из кармана, протянула гримерше и, поправив прическу, украшенную латексной имитацией серо-бурой массы вытекших мозгов, решительно направилась вслед за режиссером.

– Куда пошла, Сорокина? – вновь заорала гримерша, ухватив девушку за ворот халата. – Сейчас помреж придет, и с тобой рассчитаются. Как у тебя вообще язык повернулся у самого Мамонова деньги просить? До тебя ли ему, этому гениальному человеку? Что ты как дикая, в самом деле!

– Я не дикая, – возмутилась Алевтина, покорно следуя за женщиной в гримерку. – Я просто хочу деньги за свою работу получить. В прошлом месяце меня на роль сестры одного крупного банкира пригласили, отыграла – и что?

– И что? – заинтересованно спросила гримерша, снимая с девушки халат.

– Ничего, – надулась Алевтина, усаживаясь на стул в одном белье. – Режиссер меня выгнал и ничего не заплатил. И вообще, орал на меня, что я, видите ли, должна быть счастлива только потому, что он соизволил меня пригласить в свой гениальный фильм.

– О, это они любят. О чем фильм-то? – сочувственно вздохнула гримерша, задумчиво разглядывая худенькую фигурку девушки.

– Кровная месть и бандитские разборки, – нахмурилась Алевтина. – Мне бы душ принять, вся в кровище перемазалась.

– Салфетками вытирай. Душ дома примешь, у нас воды горячей нет, – равнодушно сообщила гримерша и продолжила расспросы: – Боевик, значит. И что же, ты там одну из главных ролей играла?

– Да нет, я только в самом начале мелькнула, во время последнего прощания брата и сестры, а потом гроб заколотили – и все.

– Не поняла? – растерялась гримерша.

– Что тут непонятного! – раздраженно воскликнула Алевтина, выкинула испачканную салфетку в помойное ведро, натянула джинсы и футболку и объяснила: – Я покойницу играла! Лежала себе вся такая в гробу в белых рюшах, кружевах и цветах, и старалась не дышать.

– И что? Почему тебя режиссер выгнал? – спросила гримерша.

– Как вам сказать, – нахмурилась Алевтина. – Тяжело ведь несколько часов подряд лежать и не дышать. А там еще один актер, который брата моей героини играл, должен был над гробом все время рыдать и клясться отомстить. Противный такой, мерзкий, но очень именитый. Короче – очередной дубль, он все рыдает и клянется... так вот, в самый разгар его истерики я глаза открываю и тихо так говорю: извините, не могли бы вы жвачку пожевать, а то у вас изо рта неприятно пахнет. Но действительно ведь воняло! А он в это время уже серьезно, по системе Станиславского, в роль вжился, ну, и чуть разрыв сердца не получил. Короче, после того, как его в чувство привели, он режиссеру заявил: пока я на площадке нахожусь, он и пальцем не пошевелит. Меня домой быстренько отправили, обещали позвонить, когда знаменитость сменит гнев на милость. Я, как дура, неделю ждала, потом не выдержала и сама позвонила. А они, оказывается, уже сцену с закрытым гробом сняли и объявили, что в моих услугах больше не нуждаются. Но я ведь отработала свои деньги! Три часа подряд в гробу пролежала!

– Бедняжка, – хихикнула гримерша. – Ладно, не переживай, у нас всегда платят исправно, получишь свои кровные, даже если эпизод в фильм не войдет. С тобой я закончила. Посиди пока здесь, мне нужно еще Абдуловскому грим поправить. Тоже я тебе скажу – тот еще говнюк. – Гримерша направилась к двери, но в дверях обернулась и внимательно посмотрела на девушку: – Слушай, Сорокина, а я ведь про тебя слышала. Ты даже, кажется, звезда в своем роде!

– Вы про трупы? – нахмурилась Алевтина.

– Ну да, – оживилась женщина. – Сколько у тебя уже было подобных ролей?

– Много, режиссеры будто сговорились, аргумент у всех один – я, видите ли, очень здорово и правдоподобно смотрюсь мертвой на экране. Хорошо еще, лицо так гримируют, что узнать меня в обычной жизни практически невозможно – ну там, кровоподтеки, синяки, ссадины, – а то бы от меня уже люди на улицах шарахались в разные стороны. Один раз даже чернила пришлось лизать, чтобы язык фиолетовым стал! Я удушенницу играла. Сначала долго болталась над потолком на специальных ремнях с веревкой на шее. Вот так, – Алевтина вскочила на ноги, забралась на стул, приподняла плечи, склонила голову к плечу, выпучила глаза, высунула язык и покачала руками, как плетками.

– Ужас! – хватаясь за сердце, воскликнула гримерша.

– Ужас был потом, когда меня, по сценарию, должны были вынуть из петли. Сначала они меня уронили на пол, – спрыгнув со стула, хихикнула Алевтина, – случайно. А потом главный герой, снимая веревку с моей шеи, что-то неправильно сделал и, наоборот – петлю стал затягивать, да так увлекся, чуть было по-настоящему меня не удушил. Правда, заплатили хорошо, так что я на них не в обиде, – широко улыбнулась Алевтина. Гримерша молча, с ужасом смотрела на девушку. – А сцена в морге!.. – продолжила Алевтина с жаром. Девушка вприпрыжку прошла по комнате, неожиданно свалилась на пол и сложила руки на груди. – Когда я играла жертву маньяка, мне пришлось на каталке под одной простыней голышом полдня пролежать, – Алевтине надоело валяться на полу, она поднялась на ноги, опять вприпрыжку пробежалась по комнате и поежилась, обхватив себя руками. – Реально, продрогла до костей, ведь сцену в настоящем морге снимали! Дайте, говорю, коньячка выпить. Там вся съемочная группа коньячком отогрелась. А они мне: если ты сейчас выпьешь, то морда лица у тебя будет красная, а что это за покойник с красной рожей? Я им говорю: а покойник с мурашками на теле – это нормально, по-вашему? Коньяку так и не дали, сволочи! Зато чайком горячим с лимоном угостили, и на том спасибо.

– Водку будешь? – слотнув слюну, вдруг спросила гримерша.

– Да нет, спасибо, я водку не пью. Был, правда, один случай, когда водка мне очень пригодилась. Только не внутренне, а наружно. Утопленницу я играла. Планировали съемки на лето, но вышла накладка, и эпизод пришлось снимать в конце сентября. Вода была леденящая, жуть! Они сначала хотели куклу заказать, но потом посчитали, что хорошая кукла обойдется им дороже, чем я.

– Господи! – тяжело вздохнула гримерша. – Зачем же ты?..

– Зачем я на такие роли соглашаюсь? – рассмеялась Алевтина.

– Ну да, – промямлила гримерша.

– А другие никто не предлагает! – расхохоталась девушка, усаживаясь на стул. – Да ладно, я уже привыкла. Планида у меня такая – смерть на экране изображать. Ну и что? Не всем же быть звездами! Я нормально живу, на кусок хлеба зарабатываю – а масло вредно для здоровья! Вы вот, например...

– Да что ты мне все выкаешь, – прервала запальчивую речь Алевтины гримерша. – Меня Рая зовут, и я не намного старше тебя. Сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – тяжело вздохнула Алевтина и искоса взглянула на гримершу: по поводу возраста Раиса, пожалуй, загнула, ей было гораздо больше сорока, но если уж ей хотелось, чтобы Алевтина называла ее на «ты», как ровесницу, – ради бога.

– Замечательно! Как раз то, что нужно, – довольно потерла руки гримерша.

– Вы о чем? – насторожилась Алевтина.

– Не думаю, что ты не мечтаешь приличную роль получить. Если хочешь, могу за тебя похлопотать, – предложила Рая.

– Похлопотать? – растерялась Алевтина. – Конечно, хочу, только...

– Вот и чудненько. У меня хороший знакомый есть. Крутой продюсер! Скоро он запускает новый проект. Сериал с рабочим названием: «Уснуть навсегда». Так вот, он как раз сейчас актрис второго плана набирает. Мне кажется, ты вполне...

– «Уснуть навсегда»? Это что – «мыло»? – спросила девушка, название сериала ей не очень понравилось: странное какое-то, совсем не оптимистическое.

– Понятия не имею. Пока все держится в секрете. Известно только одно – сериал будет снимать Варламов!

– Варламов! – подскочила на стуле Алевтина. – Боже мой, он же гений! Попасть к нему – значит вытащить счастливый билет! Только, насколько я знаю, за сериалы он никогда не брался. Странно...

– Ничего странного – всем кушать хочется, – ухмыльнулась гримерша, – тем более под этот проект бешеные бабки собрали. Только еще раз повторяю: подходов к самому Варламову у меня нет. Он, как ты уже, наверное, слышала – человек-загадка, сумасшедший, короче. А вот с продюсером могу помочь. Если ты ему понравишься, то с режиссером вопрос, скорее всего, решится сам собой. Тем более ты не на главную роль будешь претендовать. Сейчас я ему позвоню, с Абдуловским только закончу, – пообещала гримерша и выскользнула за дверь, оставив растерянную, взволнованную Алевтину одну.

Почему обычная гримерша решила поучаствовать в ее судьбе, Алевтина Сорокина не понимала и была сбита с толку. Покрутившись в жестоком мире киноиндустрии, Алевтина уже давно поняла, что просто так протекцию никто никому не делает.

«Внешностью своей заинтересовать я ее не могла. Тогда почему? Неужели она меня пожалела? – задумчиво разглядывая себя в зеркале, размышляла девушка. – Точно – пожалела», – пришла к выводу Алевтина, запустила обе руки в волосы, приподняла густую рыже-вато-каштановую кудрявую шевелюру вверх, покрутила головой, искоса поглядывая на свой профиль, и тяжело вздохнула. Алечка Сорокина была на редкость самокритична и прекрасно отдавала себе отчет в том, что особой красотой не блещет. Пожалуй, лишь глаза, большие, цвета жженой карамели, с длинными шоколадными ресницами, могли бы восприниматься другими как достоинство, если бы из-за чрезмерной худобы девушки и светлой, как алебастр, кожи они не смотрелись так пугающе чужеродно на ее бледном лице. «Ни кожи, ни рожи, – так охарактеризовала себя Алечка, медленно провела пальцем по гладкой поверхности зеркала, грустно улыбнулась своему отражению и тяжело вздохнула: – Что ты здесь делаешь, Аля? – тихо прошептала она, продолжая водить пальцем по зеркальной поверхности. – Не пора ли тебе вернуться домой? Неужели ты еще не поняла, что сделала глупую ошибку?»

В детстве она никогда всерьез не мечтала о славе актрисы. Так, от нечего делать посещала школьный театральный кружок. Дурака валяла с тоски, потому что в их маленьком захолустном городке это было единственным местом, где можно было спрятаться от серых будней и общего убожества жизни. Три года она играла в школьных постановках «невидимые» роли: ею попросту затыкали дырки в спектаклях или ставили в углу сцены, как декорацию. Но в один прекрасный день все изменилось. Школу, да что там школу – весь город затрясло, как в лихорадке. «К нам едет ревизор», – взволнованно и нарочито театрально сообщил руководитель кружка, на неделю ушел в запой, а когда вернулся, объяснил, что скоро из Москвы приедет сам Иван Костомаров! Кто такой Костомаров, долго объяснять не пришлось, его имя знали и боготворили все горожане, за его успешной карьерой в кино следили во все глаза. Как же – земляк выбился в люди, снимается в крутых боевиках, о нем написали в газетах «Московский комсомолец» и «Мегаполис», в общем, нынче он – столичная знаменитость. Решили не ударить в грязь лицом и встретить именитого гостя достойно. К его приезду в срочном порядке стали готовить спектакль. Естественно, ставили Шекспира, куда же без него! Слава богу, не «Гамлета», опозорились бы однозначно. Решили показать «Отелло». Неожиданно на роль Дездемоны режиссер выбрал Алевтину – и девушка растерялась. Звезда драмкружка, красавица Катя

Мушина, высокая голубоглазая блондинка романтического облика, к тому же дочка директора единственной в городе работающей фабрики, подходила на роль Дездемоны гораздо больше, чем застенчивая худышка и скромница Аля Сорокина. Обстановка в драмкружке накалилась, все прекрасно понимали, что так просто Катя этого дела не оставит. Вокруг Алевтины сразу образовался вакуум, все настороженно наблюдали за развитием конфликта и ждали, как поступит разобиженная гордышка Катя. Развязка произошла в школьной столовой, где под дружный хохот одноклассников Катя Мушина вылила Алевтине на голову компот из сухофруктов и пообещала позаботиться о том, чтобы после спектакля вместо цветов Алю закидали тухлыми яйцами и помидорами за отвратительную, безобразную, вульгарную игру.

Угроза Кати Мушиной непостижимым образом повлияла на судьбу Алевтины: нет, девушка не испугалась – она бешено разозлилась и дала себе клятву сыграть так, чтобы зал взревел от восторга.

Зал от восторга не взревел: после финальной сцены зрители словно онемели. «Полный провал», – слушая тишину, в панике подумала Алечка и приготовилась получить гнилым помидором в лицо. В этот момент с места встал Иван Костомаров и громко заорал: «Браво!» Публика как будто только этого и ждала, и актовый зал взорвался шквалом аплодисментов. Ее вызывали на бис несколько раз. От эйфории и счастья кружилась голова, потели руки и оставалось дыхание. Кажется, тогда все и началось. А может быть, чуть позже, когда Иван Костомаров, такой знаменитый, талантливый, красивый, нашел ее за кулисами, осыпал комплиментами и цветами – подвядшими нарциссами и тюльпанами (где он их только откопал?) – и, глядя на нее с восторгом и обожанием, вызвался проводить домой.

Был вечер, стояла ранняя, еще морозная весна. На улице пахло талым снегом, на тротуаре в свете унылых редких фонарей блестели подмерзшие скользкие лужицы. В его гостиничном номере урчал старый холодильник, беззвучно мерцал телевизор. От шампанского слипались глаза, влажные простыни неприятно липли к обнаженной спине, кровать тихо поскрипывала. От него пахло дорогим одеколоном «Эгоист», алкоголем, табаком и лакричными пастилками. Ночь была странной, романтической и какой-то нереальной, неуклюжей и застенчивой, болезненной и многообещающей – это была первая ее ночь с мужчиной. Утром дома ее, изрядно помятую и опухшую, ругала тетка – женщина, заменившая ей мать. Алевтина спряталась в ванной, включила воду и, обливаясь слезами, долго выкрикивала через тонкую фанерную дверь, что это любовь с первого взгляда и теперь у нее есть человек, который обещал ей помочь поступить во ВГИК, жениться и опекать всю оставшуюся жизнь. Тетка стучала в дверь кулаками и пыталась ее вразумить. Этого тетке не удалось, а жаль. За каким лешим она тогда не послушалась ее и поверила этому холеному московскому щеголю? Дура! Затмение какое-то нашло, еле дотерпела до получения аттестата зрелости, собрала вещички и в Москву поперлась, размечталась о славе и лаврах! Только до Ивана Костомарова она так и не дозвонилась. Телефон, который он ей записал, принадлежал прачечной – лучше бы уж это был телефон магазина или ресторана. Глупая, жестокая шутка! Алевтина опять разозлилась, причем настолько, что сама поступила во ВГИК, легко, с первого раза. Вероятно, характер у нее был такой – чтобы добиться чего-то значительного, ее нужно было сильно взбесить и буквально вывести из себя. Но больше довести ее до подобного состояния никому не удавалось. Незаметно пролетела учеба, и единственная стоящая роль, которую ей удалось получить после бесконечных кинопроб и кастингов, – роль юной партизанки Катерины в малобюджетном фильме о войне одного подающего надежды молодого режиссера. Фильму грозило стать культовым, но он так и не вышел на экраны: его попросту не досняли. Режиссер слишком рано начал праздновать победу, возомнив себя гением, допился до чертей и был помещен до полного выздоровления в одну из небезызвестных московских клиник, где и пребывает по сей день, искренне считая себя Эйзенштейном. Больше хороших ролей Алевтине Сорокиной никто не предлагал, а кушать хотелось все сильнее, поэтому, простившись с иллюзиями, девушка стала соглашаться

на самые кошмарные, по мнению иных актрис, вещи. Она лукавила перед Раей, что смирилась со своей судьбой. Каждый раз, когда ее приглашали на безмолвную роль жертвы очередного маньяка, Алевтина Сорокина соглашалась – с надеждой, что однажды случится чудо, режиссер посмотрит на нее по-иному и попробует в другом качестве. Очень уж ей не хотелось возвращаться домой второсортной актрисулькой эпизодических ролей, способной лишь на то, чтобы изобразить на экране покойника.

– Как ты тут? – вернулась гримерша, и задумавшаяся Алевтина невольно вздрогнула. – У меня для тебя хорошие новости! Продюсер согласился на тебя взглянуть сегодня же.

– Сегодня? – растерялась Алевтина.

– Да. После того, как я тебя описала, он просто жаждет встретиться с тобой, – радостно подтвердила гримерша. – Только он сова, работает по ночам, а днем спит. Ближе к ночи подъезжай. Часикам к одиннадцати.

– Спасибо, спасибо тебе, Раечка! – воскликнула девушка и вскочила со стула. «Вот оно – свершилось!» – с восторгом подумала Алевтина, и глаза ее засияли. Нет, возвращаться домой было еще рано. Судьба просто испытывала ее, проверяла на прочность, перед тем как дать настоящий шанс стать звездой. И скромная гримерша Рая – это не что иное, как божественное провидение! – Раечка, я никогда этого не забуду. Спасибо тебе еще раз!

– Что уж там, – отмахнулась гримерша. – Иди расчет получай и сразу домой – переодеться. Хочу тебя предупредить, он человек очень требовательный. Но если сделаешь все, как я тебе скажу, роль в сериале получишь без проблем.

– И что мне нужно будет сделать? – завороченно глядя на женщину, спросила Алевтина.

– Во-первых, надень что-нибудь сексуальное и непременно фиолетовое. Он обожает фиолетовый цвет. Во-вторых, макияж яркий сделай, волосы распусти, но веди себя как девственница-недотрога... до определенного момента.

– Это как? До какого еще определенного момента? – не поняла Алевтина.

– Баба ты или нет, в конце концов? – неожиданно разозлилась гримерша, но посмотрела на Алевтину и смягчилась: – Ладно, иди, на месте разберешься, что и как. Зовут его Артур Андреевич Зеленцов. Вот адрес.

– Артур Андреевич Зеленцов, – повторила Алевтина. – Боже мой, тот самый? – взвизгнула девушка, выхватывая у Раисы бумажку с адресом. Повертела ее в руках и растерянно посмотрела на гримершу: – Я что, должна буду к нему домой приехать?

– И что с того? – опять разозлилась гримерша. – Он сейчас болеет, поэтому дома работает. Трудоголик, одним словом. Купи ему малиновое варенье, тогда он совсем растает, – посоветовала Раиса, и Алевтина успокоилась. Девушка еще раз с жаром поблагодарила гримершу и выбежала из комнаты.

Раиса закрыла комнату на ключ и вытащила мобильный телефон.

– Артурчик, – проворковала она в трубку, – все в порядке. Эта овца приедет к тебе вечером, малиновое варенье привезет. Как зачем? Чтобы вылечить тебя от простуды, – расхохоталась Раиса. – Нет, она не знает, что ты именно ею интересуешься. Считает, что манна небесная на голову свалилась! Не понимаю, к чему такие сложности. Слушай, а можно поинтересоваться – зачем она тебе нужна? Такая вряд ли кого из твоих клиентов может заинтересовать. Ладно, ладно, – надулась Раиса, – не хочешь говорить – не надо. Ты меня просил – я сделала. Кстати, я попросила ее надеть что-нибудь фиолетовое, – опять развеселилась гримерша. – Артурчик, не злись, это же прикольно! Все девочки, которых я к тебе направляю, напяливают на себя одежду этого цвета. Считай, что это мой фирменный знак! У меня все.

Глава 2

Знаки

Проблема заключалась в том, что ничего фиолетового у Алечки Сорокиной никогда не было. Она ненавидела этот цвет, мало того, он ей совсем не шел, просто катастрофически. И без того бледный цвет лица в сочетании с фиолетовым оттенком одежды начинал отливать синевой, а под глазами по непонятным причинам появлялись темные тени. В фиолетовой одежде – а в юности такие эксперименты были – Алечка Сорокина становилась похожей на изможденное, замученное жизнью существо, но сегодня ей нужно было выглядеть как можно сексуальней и обворожительней, напялив на себя тряпку именно этого ненавистного цвета.

Ситуация была безвыходной.

«Придется накладывать на лицо не обычную косметику, а грим – толстым слоем. Ну и что, актриса я, в конце концов, или нет», – бубнила себе под нос Алевтина, беспечно слоняясь вдоль бесконечных пестрых рядов вещевого рынка в Конькове с банкой малинового варенья в сумке. Цены пугали, но она знала, на что шла. При ее скромном бюджете разумнее было бы, конечно, в Лужники на промысел податься, там продавалось все то же самое, только в несколько раз дешевле, но в этом случае она при встрече с продюсером тоже чувствовала бы себя дешевле, а ей так нужен был внутренний настрой!

От фиолетовых маечек, футболок и топики ее мучило. Она брезгливо шупала их, прикладывая к себе и уходила прочь. О брюках и джинсах, пару раз мелькнувших в одной из секций, она постаралась сразу забыть. Платьев этого цвета, к счастью, ей не встречалось ни разу.

Время шло, а нужно было еще доехать до дома, принять душ, привести себя в порядок и смириться с тем, что на ней будет надето.

– Девушка! – окликнул ее торговец обувью, молодой щуплый парень в оранжевой бейсболке и белой майке с надписью «Адидас».

Алевтина вяло обернулась и, заметив в руках мужчины фиолетовую босоножку на шпильке, вытаращила глаза.

– Вы мне? – глупо переспросила Алевтина, хотя прекрасно понимала, что торговец обращается именно к ней.

– Вам, вам, – широко улыбнулся торговец, вертя босоножкой перед ее носом. – Я знаю, девушка, что вам нужно. Вам нужно вот эти туфельки купить. Суперкачество – Италия отдыхает! Новейшие тенденции моды. Вот, последняя пара осталась. Все расхватали. Скидку на них хорошую даю.

Алевтина, как загипнотизированная, полезла за кошельком: это было непостижимо, это была судьба, это был знак свыше. Пабло Коэльо абсолютно прав – надо учиться видеть знаки. Теперь у нее все будет хорошо, она близка к своей цели.

– Вы что ж, и мерить не будете? – удивился торговец.

Алевтина счастливо мотнула головой, отсчитала условленную сумму, прижала коробку с обувью к груди и вздохнула с облегчением.

– Спасибо вам огромное, вы меня спасли. Если бы вы только знали, что сейчас сделали для меня! – с жаром воскликнула Аля, засунула коробку в пакет и, помахав торговцу рукой, торопливо засеменила к выходу.

– Чего это она, Паш? – перегнувшись через перегородку, спросила у продавца обувью соседка по секции, пышная девица с красными волосами и ярким макияжем.

– Фетишистка! – тяжело вздохнул торговец и покрутил пальцем у виска. – На фиолетовый цвет, как кошка на валерьянку, кидается. Я за ней уже час наблюдаю. Смотрю, мотается туда-сюда по рынку и тряпки только этого цвета выбирает. Ну, я это дело засек и босоножки ей предложил. Она и хапнула как дура.

– А ты, я смотрю, Пашка, профи, – заржала девица. – Я бы такой отстой ни в жисть не продала!

– Учись видеть клиента, подруга, – напыщенно посоветовал парень, засек очередную жертву и заорал: – Эй, мужик! Сандалии на лето! Совсем недорого! Стельки с супинаторами. Самая удобная модель. Такие и под костюм надеть не стыдно будет, носки в тон – в подарок...

* * *

К дому продюсера Зеленцова Алевтина подъехала на такси, но причина такой расточительности была совсем не в желании казаться крутой. Во-первых, она опаздывала на полчаса, во-вторых, надев новые босоножки, Алечка, к своему ужасу, поняла, что передвигаться в них можно только вдоль стен, опираясь о них для баланса, иначе не избежать контакта головы с асфальтом. Мало того, что босоножки оказались велики на размер, так еще имели такой высокий каблук и неудобную колодку, что ходить в них было опасно для жизни и здоровья.

Известный продюсер жил недалеко от метро «Бабушкинская» в обычном панельном доме без домофона, кодового звонка и консьержки, и Алевтина подумала, что, возможно, Зеленцов решил поселиться здесь, потому что из окна его квартиры открывался красивый вид на небольшой парк и живописно протекающую рядом с домом речку Язу.

В подъезде гулял сквозняк, передвигая по полу маленькие рекламные бумажки, разбросанные по бетонному грязному полу жильцами дома, ошалевшими от регулярно появляющегося мусора в своих почтовых ящиках. Кое-как она добралась до лифта, проклиная себя за то, что не надела кроссовки. Продюсера она уже почти ненавидела, когда поднялась на шестой этаж: именно он, этот гадкий любитель фиолета, испортил ей жизнь, и вообще, пошел он на фиг со своими проблемами, фильмами и малиновым вареньем!

Приняв более-менее устойчивое положение, Алевтина разгладила складки изрядно помявшегося в машине льняного брючного костюма, с любовью скроенного и сшитого маленькими китайскими ручками где-то в ближнем Подмоскowie, достала из сумки банку варенья, сотворила на лице нежную застенчивую улыбку, потупила глазки и позвонила в дверь. Нога неожиданно подвернулась, девушка машинально оперлась о ручку двери – и та плавно поползла вниз, дверь распахнулась, Алевтина ввалилась в прихожую и распласталась на полу, раскинув руки в стороны.

– Ой, простите, блин, – истерично хихикнула девушка, с трудом поднялась на ноги, огляделась и густо покраснела. Она стояла на коврике в прихожей квартиры известного продюсера Зеленцова Артура Андреевича, но самого хозяина в прихожей не было! Вероятно, Зеленцов не слышал звонка, и получалось, что Алевтина ввалилась в его квартиру без приглашения.

«А квартирка-то так себе», – отметила Алевтина, разглядывая помещение, в котором оказалась. Крохотная прихожая со встроенным шкафом вела прямо на кухню; справа – две двери, неровно покрашенные белой масляной краской, судя по характерным звукам – туалет с ванной; слева – узкий длинный нефункциональный коридор, обклеенный мрачными старомодными обоями, грубо имитирующими дерево; вдоль по коридору – две двери в комнаты: одна двустворчатая с матовыми стеклянными вставками, две другие – по обе стороны в конце. Стандартная трешка, одним словом.

В квартире было темно и тихо, лишь из приоткрытой двери одной комнаты, расположенной справа в самом конце коридора, выбивалась слабая полоска света. «Уснул, наверное, болеет все-таки человек. Нужно выйти за дверь и еще раз позвонить», – решила Алевтина, отступила к порогу, но тут заметила, что куда-то делась банка с вареньем, которую она так любезно привезла для несчастного больного. Вероятно, когда она шлепнулась на пол, банка выпала из руки и укатилась. Только вот куда? Кошмар! Прямоком по коридору к двери, где

горел свет. Алечка вспотела. Выходить без банки за дверь – глупо, как потом объяснять, что варенье оказалось в квартире раньше, чем сама Алевтина?

«Не делай этого, Аля», – прошептала девушка, но навязчивая идея забрать банку уже засела намертво в ее мозгу. Глупо улыбаясь и трясаясь всем телом от волнения, Аля сняла босоножки, но и этого ей показалось мало: девушка встала на четвереньки и тихонько поползла по коридору к своей цели. И вот оно! Цель близка. До банки осталось совсем чуть-чуть, еще немножко, нужно только протянуть руку... Аля сделала два глубоких вдоха и... услышала шаги – кто-то шел в коридор из комнаты...

«Идиотка», – это было первое и последнее, о чем успела подумать девушка: дверь широко распахнулась и мощный удар ботинком в лицо отбросил ее в сторону. В глазах потемнело, из носа хлынула кровь. Она завалилась набок, неловко вытирая кровь рукавом, попыталась подняться на ноги, но в ту же секунду последовал еще один удар по лицу, не менее сильный – рот наполнился кровью, языку стало непривычно свободно во рту, а за щекой появился какой-то посторонний маленький предмет, с одной стороны гладкий, с другой – колючий. Странно, но она почувствовала только солоноватый вкус крови – и все.

– Не надо, пожалуйста, это банка... банка укатилась... я вам все объясню... Не надо... – тихо залепетала Аля, собственный голос показался ей чужим, в горле что-то клокотало и булькало.

На мгновение ее оставили в покое, в глазах стоял туман, силуэт, нависший над ней, растекался и сливался с темными стенами коридора, и Аля вдруг поняла, что эта пауза – лишь небольшая отсрочка перед смертью и сейчас ее будут убивать. Алечка перевернулась на живот и поползла. Ей хотелось домой, и ей хотелось выбраться из этого кошмара, ей совсем не хотелось умирать... Чье-то колено с силой надавило на позвоночник и прижало ее к полу, лицо вдруг словно обожгло что-то легкое и воздушное; это легкое и воздушное скользнуло на шею и образовало петлю... петля стала затягиваться, удушье сдавило грудную клетку, Алечка захрипела, забилась в конвульсиях, вытянулась в струну и затихла – петля ослабла, шелковый шарф с легким шелестом словно стек с ее горла. Торопливые шаги проследовали к выходу из квартиры. Хлопнула входная дверь, и все стихло.

Аля судорожно закашлялась, сделала несколько глубоких торопливых хриплых вдохов, перевернулась на спину и тупо уставилась в потолок, не в силах поверить, что ее сомнительное амплуа пригодилось ей не в кино, а в реальности. Кажется, сегодня она сыграла свою лучшую роль – убийца поверил ей и ушел!

Плохо понимая, что она делает, Аля с трудом поднялась на ноги, добрела до ванной, смыла кровь с лица холодной водой, выплюнула выбитый зуб в раковину, прополоскала рот. В ушах шумело, и шум нарастал, мысли путались. Мозг усиленно пытался дать объяснение случившемуся. В голове образовалась каша из событий последних минут, часов, дней, лет... Маленький провинциальный городок, драмкружок, трагедия Шекспира, Дездемона, первая ночь с мужчиной, поездка в Москву, ВГИК, второсортные роли, сердобольная гримерша Рая, приглашение к продюсеру, варенье, жуткие фиолетовые босоножки, Пабло Коэльо, знаки... Знаки, жуткие фиолетовые босоножки, малиновое варенье, второсортные роли в кино, сериал «Уснуть навсегда»... Бред! Бред! Бред! Только что она действительно чуть не уснула навсегда. Господи, за что ее пытался убить Зеленцов? Принял за воровку? Но почему он ушел? Куда он ушел?

– Господи! – Аля резко выключила кран. Почему она решила, что он ушел? По спине у нее пробежал холодок. Комната... Она так отупела от боли и шока, что даже не заглянула в комнату! Аля выглянула из ванной – в комнате в конце коридора по-прежнему горел свет и рядом с дверью, как идиотская насмешка, все так же валялась банка с вареньем. Несколько минут она стояла и прислушивалась: за окном пискляво завывала сигнализация какой-то машины, отры-

висто залаяла собака, в ее желудке что-то неприятно зажурчало и забулькало, но в квартире стояла мертвая тишина – ни шороха, ни звука...

Двери, двери, двери – теперь ей казалось, что это не квартира стандартной планировки, а лабиринт. «Уйти», – стучало у нее в висках, но свет в конце коридора безжалостно манил. Она вдруг поняла, что чувствует мотылек, летящий к огню, беззвучно заплакала и направилась в комнату.

Зеленцов, одетый в бордовый бархатный халат с шелковыми лацканами, сидел у окна в кресле лицом к двери, таращил глаза и показывал ей язык.

– Что за шутки! – истерично закричала Алевтина, подбежала к Зеленцову и отвесила ему оплеуху – голова продюсера дернулась, и тело с грохотом повалилось на пол лицом вниз.

Он был мертв – не в шутку, а всерьез. В висках девушки снова застучали отбойные молотки, заныло сердце. Стараясь не упасть в обморок, Аля облокотилась о стену и только сейчас заметила, что в комнате царит беспорядок: ящики невысокого комода и письменного стола выворочены, по полу раскиданы какие-то фотографии, видеокассеты и диски... Теперь ей все стало ясно. Ее пытался убить не Зеленцов. Она заявила к Артуру Андреевичу в тот момент, когда он был уже мертв, а убийца в это время находился в квартире! Поэтому и дверь ей никто не открыл. Убийца ждал, пока она уберется, и прятался в комнате. Потом она с дури полезла за своей банкой, убийца испугался и решил действовать, чтобы избавиться от свидетельницы. Господи! Аля бросилась в коридор, но тут ее внимание привлекла одна из фотографий. Она наклонилась, взяла снимок в руки и замерла с открытым ртом. Следующие снимки при ближайшем рассмотрении тоже вызвали шок. Теперь она поняла и то, зачем уважаемый Артур Андреевич пригласил ее к себе. Он использовал молодых неопытных актрис как шлюх для своих собственных утех и с целью развлечения своих друзей или знакомых, умело подбирая каждой свой индивидуальный кинообраз. Мерзость какая! Лица мужчин, участвующих в оргиях, были в масках, да и Зеленцова Аля бы не опознала, если бы не массивный золотой перстень на указательном пальце с тремя выгравированными буквами – его инициалами. Об этом перстне сам продюсер неоднократно упоминал в интервью, называя его своим талисманом. А вот лица женщин на снимках были запечатлены крупным планом.

«Вероятно, за это Зеленцов и поплатился, – предположила Аля. – Шелковый шарфик! Его убила какая-то женщина, сильная и решительная. Она пришла забрать свои фотографии. Возможно, он шантажировал ее. Наверное, она актриса, которую Зеленцов использовал когда-то, но потом она выбилась в люди, стала известна и решила избавиться от ненавистного шантажиста. Молодец, конечно! Но я-то тут при чем? Очень даже при чем! Скоро все газеты будут пестрить заголовками о смерти Зеленцова. Убийца прочтает газету и поймет, что в квартире найден только один труп. Эта женщина будет меня искать: она ведь не знает, что ее лица я не разглядела, только ботинки, высокие, со шнурками, тяжелые, темные, со светлыми «вареными» разводами и рифленой подошвой. На секунду они мелькнули перед глазами, но запомнились мне, кажется, на всю жизнь. Что же делать? Во-первых – убраться отсюда! Интересно, какую роль он приготовил мне? Роль какой-нибудь испуганной школьницы? Или среди друзей Зеленцова есть скрытые некрофилы, и мне опять пришлось бы изображать покойницу? – с отвращением предположила Алевтина, покосилась на труп продюсера и вздрогнула: ей показалось, что труп пошевелился и издал какой-то свистящий звук. Секунду она, окаменев, в ужасе смотрела на лежащего на полу мертвеца. В комнате пахло чем-то неприятным. – Газы отходят», – с содроганием подумала Аля, пулей выскочила из комнаты, нашла свою сумку, затолкала туда злосчастную банку варенья, распахнула встроенный шкаф в прихожей: ей нужно было что-то накинуть на себя. Выходить на улицу в светлом брючном костюме, забрызганном кровью, было решительно нельзя: на нее определенно обратят внимание.

Шкаф был завален всяким хламом: поломанные швабры, облезлый веник, оцинкованное ведро с погнутой ручкой, засаленные рулоны обоев, коробки, набитые тряпьем. На ржавых

гвоздиках висели старые поношенные вещи: драповое пальто, рваный ватник, темно-серый сатиновый рабочий халат, измазанный ядовито-желтой краской, грязная косынка в крупный красный горох, стоптанные белые шлепанцы и резиновые сапоги. Эти вещи не могли принадлежать Зеленцову, очевидно, он снимал эту квартиру, чтобы хранить здесь свой гнусный архив, и изредка наведывался сюда, чтобы встретиться с очередной дурой вроде нее. В других комнатах, вероятно, были оборудованы импровизированные студии, но заглядывать туда у Алечки уже не было сил. А она ведь сразу, как только вошла, вернее, ввалилась в коридор, поняла, что квартира съемная. Но разве это изменило бы хоть что-то? Разве это могло насторожить ее? Естественно, нет. Какая, в конце концов, разница? Она сама снимает комнату у милой старушки, точнее, снимала до сегодняшнего дня, потому что больше в Москве ей делать нечего. Она возвращается домой, к своей сварливой любимой тетке, учительнице по вокалу, в родной маленький провинциальный городишко Приреченск, с памятником Ленину на центральной площади, с елками вокруг белого здания администрации, пятиэтажными, будто собранными из кубиков бракованного конструктора, панельными домами, нелепо перемешанными с деревянными, покосившимися от старости избушками, и со златоглавой аккуратной церквушкой на берегу изумительно красивого и загадочного озера, названного несколько странно – «Щучья нора».

Решение было принято. Алевтина закатала брюки до колен, сорвала с гвоздика халат, облачилась в него, сунула ноги в шлепанцы, на голову нацепила косынку, схватила ведро, положила туда свою кожаную сумку и босоножки, прикрыла их половой тряпкой, взяла в руку швабру и торопливо покинула квартиру. Как Алечка и предполагала, в костюмчике «а-ля уборщица» на нее никто не обратил внимания. Разумеется, кого могла заинтересовать плохо одетая женщина, шатающаяся ночью по улицам Москвы с ведром и шваброй в руках? Да никого! Вот если бы она летела домой на метле – тогда другое дело. Хотя и это утверждение под вопросом. Мало ли кто по ночам на метлах летает...

К утру она благополучно добралась до дома – пешком, поймать попутку или такси в таком виде Алевтине не светило, проскользнула в свою комнату, покидала вещички в дорожную сумку, переделась, наложила на лицо толстый слой грима, оплакивая свой распухший нос, разбитые в кровь губы и, главное, передний зуб, оставила на полочке у зеркала ключи, записку, банку малинового варенья для хозяйки и вышла на улицу. Первым делом выкинула в ближайшую помойку все, что позаимствовала в квартире Зеленцова, следом отправила в мусорку ненавистные фиолетовые босоножки и с чувством исполненного долга поехала в сторону вокзала.

Денег хватило ровно на билет в одну сторону да на бутылку однопроцентного кефира, шоколадку, свежую газету и роскошную, расшитую маками и васильками шерстяную шаль, которую Алечка приобрела тут же, на вокзале – в подарок тетке. И только в поезде, лежа лицом к стене на верхней полке плацкарта, она поняла, как смертельно устала, и мгновенно провалилась в глубокий сон – без тревог, проблем и сновидений.

Глава 3

Колечко с бирюзой

Она была восхитительна, безукоризненна, совершенна – как всегда, но сегодня особенно. В библиотеке трехэтажного особняка ее отца, куда Клим увлек Леру для серьезного разговора, горел приглушенный мягкий свет, два мотылька бились о настольную лампу с монотонным стуком, тикали настенные часы над камином. Лера стояла к нему спиной у окна и ждала, глядя в сад с ухоженными стриженными кустарниками и раскидистыми кронами экзотических деревьев. Там, за окном, было тихо, солнце неспешно клонилось к закату, раскрашивая небо и кроны высоких сосен вдалеке красно-оранжевым цветом. Еле уловимо пахло розами, мутной рекой и потухшим костром. Он зачарованно смотрел на ее красивые плечи, тронутые вечерней прохладой, на обнаженную загорелую спину в глубоком вырезе длинного струящегося платья цвета слоновой кости, на манящие изгибы стройной фигуры, античную длинную шею, украшенную выбившейся из высокой гладкой прически непослушной платиновой прядью волос... смотрел и молчал. Как глупо! Она ждала, а он не мог пошевелиться. Сейчас она разозлится, повернет голову, холодно блеснет фиалковыми глазами, нахмурит бровки, недовольно сморщит аккуратный носик, капризно прикусит нижнюю губу. Он не любил, когда она сердилась.

Она медленно повернула голову, продемонстрировав свой идеально красивый профиль, подбадривающе посмотрела на него, снисходительно улыбнулась и вновь отвернулась к окну. Он не угадал – у нее было слишком хорошее настроение, чтобы гневаться на его глупую нерешительность. Сегодня ей исполнился двадцать один год, и гости завалили ее дорогими подарками и комплиментами. Теперь она рассчитывала получить подарок от него лично. На этот раз ему не отвертеться, но он не собирался больше сопротивляться своей судьбе. Тридцатилетний успешный бизнесмен Клим Щедрин, русоволосый красавец и плейбой, убежденный холостяк, принял твердое решение: сдаться в плен, и отступать был не намерен. Тем более что плен сулил ему море новых возможностей в бизнесе и океан наслаждений в постели. Кажется, он даже впервые полюбил.

– Лера, – хрипло прошептал он. Она резко развернулась, оперлась руками о подоконник и замерла. Клим широким шагом подошел ближе и театрально опустил перед ней на колено. – Лера, я... Я хотел бы жениться на тебе, – выдал он, достал из кармана изящную бархатную коробочку и протянул девушке.

– Наконец-то, – оживилась Лера, ловко подхватила коробочку и с интересом заглянула внутрь. Клим с замиранием сердца наблюдал за ее реакцией. То, что он преподнес ей, было больше, чем просто подарок, – это был символ особого расположения и частичка его души. – Что это? – На ее божественно красивом личике отразились изумление и обида.

– Кольцо, – растерялся Клим.

– Я понимаю, что кольцо, – пытаюсь скрыть раздражение, сказала Лера. – Но оно с бирюзой – это кольцо!

– Да, с бирюзой. Это кольцо моей бабушки, семейная реликвия. Мой дед был беден, как церковная мышь, и, чтобы купить его и порадовать свою невесту, работал целый год. Понимаешь...

– Твой дед был беден, но ты, Клим! – нервно перебила его Лера. – Неужели ты считаешь, что я надену это на палец? – брезгливо заметила она и нахмурилась. – Что люди подумают, Клим? Первый вопрос, который будет всех волновать после того, как информация о нашей помолвке мелькнет в газетах и на телевидении: какое кольцо Клим Щедрин подарил на помолвку своей невесте? И что я им скажу? Что я им продемонстрирую? Это же моветон! Дешевка! Я согласна выйти за тебя, Клим, несмотря на то, что ты так неуклюже сделал мне

предложение. И ценю, что ты решил преподнести мне кольцо своей бабки. Но, Клим, пойми меня правильно, это кольцо...

– Я все понял, – хмуро отозвался Клим, забирая у нее бархатную коробочку. Он встал с колен, засунул подарок в карман и направился к выходу.

– Клим! Подожди! – Она бросилась следом и повисла у него на шее, пытаясь удержать. Клим мягко отстранил ее. Лера забежала вперед и преградила ему дорогу к двери. – Клим, куда ты? – Ее голос срывался от волнения. – Там же гости внизу! Все ожидают нас. Они ждут, что мы спустимся и объявим о помолвке. Клим! Папочка будет недоволен. Сегодня такой день! Пожалуйста! – Она умоляюще смотрела ему в глаза, встревоженная, смущенная, растерянная.

Он стоял совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, и чувствовал запах ее духов: утонченный, изысканный, самый модный в этом сезоне. Она дышала глубоко и часто, тонкая бретелька платья соскользнула с идеально загорелого плеча, ее кожа казалась бархатной, и ему вдруг захотелось прикоснуться губами к ее ключице и голубоватой пульсирующей жилке на шее. Глупо было обижаться на нее. Он должен был предусмотреть ее реакцию... Избалованная девочка из богатой семьи. Яркий образец «золотой молодежи нашего времени». Холеная капризная красавица, зависимая от мнения себе подобных, считающих себя элитой общества, презирающих всех, кто не подходил под их эталон. По сути, Лера была не виновата. Она просто не могла отреагировать иначе. Чего еще можно было ожидать от девушки, с детства воспитанной в мире, где людей оценивают по положению в обществе и кошельку? Он и сам такой же, заносчивый сноб, эгоист, только, в отличие от Леры, вырос в обычной семье и свои миллионы заработал упорным трудом. А ведь он был другим, и даже когда заработал свой первый миллион, по-прежнему оставался скромным веселым парнем. Что же произошло? Почему и когда он изменился и стал прожженным, надменным циником? Не тогда ли, когда амбиции поманили его еще дальше, и ему захотелось пробиться в круг избранных? Для этого недостаточно было иметь сумасшедшие деньги, нужно было стать таким, как они. И он постарался и почти стал, и был почти принят. Остался один шаг.

Клим смягчился, подошел к Лере и обнял ее.

– Завтра куплю тебе колечко от Тиффани, – пообещал он, нежно целуя ее обнаженное плечо, шею, ушко, прохладные полураскрытые губы. – Хочешь, поедem вместе, и ты выберешь то, что будет тебе по душе?

– Хочу, – млея от его ласки, проворковала Лера.

Она так и не поняла, насколько сильно обидела его. А он, страстно сжимая в объятиях эту обворожительную девушку – свою будущую жену, гнал пугающие мысли, что она всегда будет ему чужой и до конца стать своим в узком кругу избранных у него никогда не получится, как бы сильно он к этому ни стремился.

– Клим, у меня идея, – высвобождаясь из его объятий, сказала Лера. – Сейчас мы спустимся к гостям, объявим о помолвке и сообщим всем, что кольцо от Тиффани, которое ты собирался сегодня мне преподнести, не успели доставить из магазина ко мне домой. Что как будто ты заказал его по каталогу из Америки, но вышла небольшая накладка. Ты ждал целый вечер, не выдержал и на свой страх и риск попросил меня стать твоей женой, объяснив ситуацию. Я, конечно же, тебя простила и согласилась выйти за тебя замуж без этих глупых формальностей. По-моему, это будет очень романтично! Как ты считаешь, Клим?

– Тебе видней, дорогая, – кисло улыбнулся Клим, неприятный осадок в душе мешал ему расслабиться.

– Ты совершенно прав, мне видней. Ой, Климушка, я так волнуюсь! Пошли, – деловито скомандовала Лера и открыла дверь, увлекая его за собой.

Яркий свет хрустальных люстр зала гостиной, глянец дорогого паркета, блеск бриллиантов и роскошных туалетов светских дам – все это на мгновение ослепило его. О помолвке

объявила Лера – аплодисменты, поздравления, суета, мелькание нанятых на вечер официантов во фраках, живая музыка, рукопожатия, широкие улыбки, громкие тосты, звон хрусталя, шампанское «Дом Периньон» – рекой. Клим Щедрин, официальный жених Валерии – светской красавицы, дочки самого Берушина Антона Бенедиктовича, одного из самых богатых и влиятельных бизнесменов России. Кажется, он сошел с ума, что сомневался. Все искренне рады, его приняли в круг избранных на равных, он стал совсем своим. Он, Клим Щедрин, простой парень из бедной рабоче-крестьянской семьи, провинциал из российской глубинки, трудолюбивый, успешный молодой бизнесмен, миллионер, только что навсегда простился со своим прошлым.

– Клим! – Антон Бенедиктович одобряюще похлопал его по плечу, дружелюбно улыбнулся и кивком попросил следовать за ним.

Клим невольно вжал голову в плечи и покорно пошел вслед за будущим тестем в кабинет. Этот высокий, подтянутый и моложавый не по годам человек с холодными голубыми глазами и волевым подбородком наводил на Климана необъяснимый страх. И проблема была даже не в том, что Берушин принадлежал к разряду тех людей, властных диктаторов, которым невольно начинаешь поклоняться. Климана пугало другое: в обществе Берушина он подсознательно ощущал необъяснимую опасность и угрозу для себя лично, но какую именно – понять не мог, и потому чувствовал себя неуверенно, беспокойно. Возможно, поведением Антона Бенедиктовича руководила банальная ревность отца ко всем, кто покусился на его собственность – родную дочь. Берушин обожал Леру, она была похожа на отца не только внешне – та же стать, та же красота, только более утонченная, женственная, – но и по характеру: властная, надменная, своенравная. Несколько раз Лера уже пыталась показывать свои коготки, но это нисколько не волновало Климана, он быстро ставил ее на место без особых усилий и проблем и рассчитывал в первый же год брака согнать с нее спесь и усмирить. Совершенно иной фигурой в семье Берушиных была мать Леры – Изольда Валентиновна, тихая, незаметная, интеллигентная женщина без права голоса. Лера вскользь упоминала, что ее мать в молодости была не то знаменитой на весь мир оперной певицей, не то пианисткой, но, выйдя замуж за Антона Бенедиктовича, сына члена ЦК КПСС, оставила карьеру и посвятила себя семье. Как это часто бывает, «спасибо» за это ей никто не сказал. Лерочка презирала мать за малодушие, слабохарактерность и расплывчатую фигуру, Берушин жену в упор не видел и понукал ею, как домработницей. Изольда Валентиновна, похоже, смирилась со своей судьбой и безропотно сносила подобное обращение. Климману было искренне жаль женщину, но вмешиваться в отношения Леры с матерью он не собирался. Ему было выгодно, что хотя бы Изольда Берушина ведет себя по отношению к нему нейтрально, и наводить мосты придется только с Лериним отцом.

– Ну, будущий зятек, проходи, садись. Коньяк будешь? – фальшиво-задушевно спросил Берушин.

Клим кивнул. Антон Бенедиктович достал из кармана ключ, открыл бар, извлек оттуда бутылку коллекционного коньяка «Людовик XIII» и два пузатых бокала. «Две тысячи зеленых за бутылочку», – прикинул в уме Клим, это определенно был хороший знак: стал бы Берушин поить его одним из самых дорогих коллекционных коньяков, если бы был настроен враждебно! Берушин уселся за свой массивный письменный стол из красного дерева, поставил бокалы на стол, плеснул в каждый немного янтарной жидкости, один протянул Климману. Взял свой бокал, глубоко вдохнул аромат, с удовлетворением крикнул и поставил бокал на стол, так и не пригубив напиток. Климман в замешательстве уставился на тестя. Антон Бенедиктович поймал его взгляд и засмеялся:

– Нельзя мне. Врачи строго-настрого запретили, – объяснил он. – А ты пей, пока молодой и здоровый. Сигару? У меня свежие, пару дней назад с Кубы доставили.

– Спасибо, я не курю, – вежливо отказался Клим, немного согрел коньяк теплом ладони, осторожно покачал бокал, наблюдая за игрой света, сделал небольшой глоток. Берушин вни-

мательно наблюдал за ним и ждал, вероятно, щедрой порции похвалы и восхищения. – Чудесный коньяк, – широко улыбнулся Клим, – настоящая вещь!

– Естественно, а ты что думал? – сухо усмехнулся Антон Бенедиктович, продолжая сверлить Клима глазами. – Это не какое-нибудь говно из московского магазина, которое ты покупаешь. Его мне из самой Франции регулярно доставляют. Ты пей, пей, а я, с твоего позволения, закурю. От алкоголя вот себя отучил, а от табака не могу – силы воли не хватает.

Клим сделал два нервных глотка, пытаясь справиться с раздражением, и поставил бокал на стол. Как же Берушину нравилось унижать его! Но, кажется, это только начало. Сейчас Антон Бенедиктович будет долго и нудно «втирать», что Климу выпала невероятная честь – взять в жены самую несравненную (что правда) девушку, породниться со знатным семейством, где пьют только родной «Реми Мартин», курят только настоящие кубинские сигары, и тэ дэ и тэ пэ.

– Я вот что тебе скажу, Клим, – широко улыбнулся Берушин, закуривая сигару и выпуская облачко сизого дыма в лицо будущему зятю. – Если ты, сука, обидишь мою дочь, я тебе яйца оторву и скормлю воронам во дворе. Но это не самое страшное, что тебя ждет. По миру пушу! Лишу всего, что у тебя есть, и выкину из Москвы, как ссаную рваную тряпку. Вопросы есть? – Клим молчал. – Вот и хорошо, а теперь приступим к делу. Так, приготовление к свадьбе займет примерно месяца два. Больше, думаю, тянуть не стоит. Венчание пройдет в Москве. Лерочка выбрала Елоховский собор, там Пушкина крестили, и это ей кажется очень романтическим. По поводу самого бракосочетания и свадебного банкета... Мы с Лерой решили пойти по нетрадиционному для России пути и прибегнуть к помощи профессионала, то есть свадебного агента. Человек такой есть. Организацию торжества он полностью возьмет на себя, предложит несколько вариантов, а вам останется только выбрать наиболее для вас приемлемый. У меня только одно условие – все должно пройти по высшему разряду. Денег выделю столько, сколько нужно.

– Антон Бенедиктович, насколько вам известно, я не нищий и не собираюсь на свадьбе экономить, – обиделся Клим.

– Не сомневайся, о тебе мне известно все. Может, даже больше, чем тебе самому, – усмехнулся Берушин. – И с бизнесом у тебя все прекрасно, и мужик ты у нас крутой, и правильную политику ведешь, и все держишь под контролем, и бабки неслабые зашибаешь, но... – Берушин сделал многозначительную паузу и внимательно посмотрел Климу в глаза, – ...но, учитывая специфику твоего дела, все в любой момент может измениться, и тебя пристрелят где-нибудь в подворотне. Вопрос по существу – не надоело еще с дешевым криминалом в одной упряжке заправлять? Может, пора серьезным делом заняться, а то даже стыдно как-то – «икорный король»? Тьфу, прости, господи! Мне, как ты уже, наверное, понял, на тебя насрать с высокой колокольни. Но если тебя убьют – а тебя убьют, это только вопрос времени, – Лерочка будет страдать. Поэтому предлагаю тебе свою помощь: вылезти из этого дерьма. Без потерь выйти из дела у тебя, естественно, не получится, но с голой жопой не останешься, прикрою. Там уж ты сам решай, под чье крылышко нырнуть. В свою очередь, могу предложить тебе одно перспективное направление, которое мы активно развиваем, – строительство. Подумай пока. Более конструктивно поговорим, когда медовый месяц закончится. Договорились?

– Договорились, – криво улыбнулся Клим. Чувствовал он себя омерзительно. В общем-то, именно этого он и ожидал от разговора с отцом Леры, мало того – как раз на такое и рассчитывал. У него уже давно возникло желание покинуть икорный бизнес, но легко выйти из игры ему никто бы не дал. Слишком много людей были повязаны с ним в деле и кормились с его руки. Уйти – означало потерять все. Теперь у него есть поддержка в лице такого воротилы, как Берушин, значит, проблема почти решена. Но почему же тогда так тошно на душе и сводит скулы от обиды и отчаяния? Да потому, что теперь он пешка в руках Берушина, теперь он – никто!

– А ты чего такой бледный? – уловив перемену в его лице, спросил Берушин. – Не заболел ли?

– Все нормально, – сглотнув набежавшую слюну, сказал Клим. Тошно было не только на душе, ему вдруг стало физически плохо: голова странно кружилась, кружилась и люстра на потолке, и сам потолок. Кажется, сегодня он серьезно перебрал.

– Тогда пошли к гостям. Лерка, наверное, тебя уже заждалась. – Голос Берушина донесся до него откуда-то издалека, и сам Антон Бенедиктович отдалился от него на приличное расстояние. «Что за хренота?» – усиленно потирая виски, удивился Клим и попытался сосредоточиться. – Ох, и любит она тебя, паршивца, – продолжил Антон Бенедиктович, встав со своего места и тыча ему в нос дымящейся сигарой. – Ты уж на меня не сердчай за суровый тон – одна она у меня.

– Я все понимаю, Антон Бенедиктович, если бы у меня была дочь, я поступил бы точно так же, – выдавил из себя Клим и вытер рукавом холодный пот со лба.

– Вот и хорошо, что ты понял все правильно, – засмеялся Берушин. Смех Антона Бенедиктовича вдруг завис где-то над потолком, смешался с терпким, невыносимым запахом кубинской сигары, пофланировал по комнате и вылетел в окно. Это было так забавно! Клим тоже засмеялся, но его смех вел себя иначе – он словно заскакал по комнате, как теннисный мячик, и закатился куда-то под стол. Клим тяжело поднялся, отодвинул Берушина, встал на карачки и залез под стол, пытаясь отыскать там пропажу.

– Ты чего, Клим? – ошарашенно окликнул его Берушин, но Клим Щедрин не отвечал, он горько рыдал под столом, оплакивая страшную потерю – своего смеха под столом он так и не нашел.

Глава 4

Заговор

Клим с трудом разлепил глаза и, к своему ужасу, понял, что лежит поверх одеяла на кровати в костюме, галстук и одной ботинке. Но это открытие было не самым страшным – в одной ботинке и костюме он лежал на чужой кровати, в какой-то незнакомой, обставленной дорогим антиквариатом комнате. Голова гудела, как паровоз во время разгона, во рту все пересохло. Морщась и постанывая от головной боли, Клим сел, схватил с прикроватной тумбочки бутылку «Перье», поставленную там кем-то сердобольным и понимающим, опустошил ее в несколько внушительных торопливых глотков и с грохотом поставил обратно на тумбочку. Паровозный гудок в голове немного утих, но осознание происходящего так и не наступило. Неуклюже, как пингвин, он доковылял до двери, распахнул ее, выглянул наружу и тут же быстро закрыл – незнакомое помещение, в котором он находился, оказалось комнатой для гостей дома Берушиных. Ужас! Кошмар! Каким образом он здесь очутился? Нажрался до такой степени, что не смог уехать домой? Но он же никогда в жизни не упивался до беспамятства! Правда, шампанское пил редко, тем более в таком количестве. Похоже, напиток аристократов был ему строго противопоказан. Да, кажется, еще был коньяк, дорогой великолепный коньяк, который он пил в кабинете Антона Бенедиктовича. Но ведь он выпил совсем немного... Или много? Клим напряженно задумался и закричал, пытаясь вспомнить последние события вчерашнего вечера, но в памяти всплыло лишь обещание отца Леры в случае плохого обращения с дочкой оторвать ему яйца, скормить их воронам и выкинуть его самого из города, как ссаную тряпку. Вот это он запомнил очень хорошо. А что было потом? Потом – полный провал. Черная яма. Полный... Жуть! Что теперь о нем думают родители Леры и сама Лера? Вот только выяснять это Климу почему-то совсем не хотелось.

«Может, в окно сигануть и слинять, пока не поздно», – находчиво подумал Клим. Отдернул плотную штору на окне, оценил высоту полета и свои «летательные» возможности: два этажа, плюс цокольный этаж, плюс мощенная природным камнем площадка под окнами – равняется перелому ноги, плюс перелому руки, плюс перелому шеи – отпадает! Придется ему выходить через дверь, блин! Душ не мешало бы принять для начала и вообще привести себя в порядок, благо все это можно было сделать, не выходя в коридор: туалетная комната граничила со спальней.

Клим вяло добрался до ванной, распахнул дверь, включил свет и тут же столкнулся со своим отражением в зеркале – лучше бы он выпрыгнул в окно! Такой рожи он не видел со времен дружных институтских попок в общаге, когда немереное количество «паленой» водки мешали с дешевым портвейном и закусывали все это великолепие одной банкой килек в томате, честно поделив ее на десять очень голодных мужиков. Клим тяжело вздохнул, глядя на свою опухшую физиономию. Больше всего угнетало то, что на правой щеке, как клеймо, четко пропечатался циферблат его наручных часов, вот только время по ним определить было нельзя.

«Кстати, действительно, сколько времени?» – оживился Клим. Стрелки показывали только восемь утра. Наверняка все еще спят, и у него есть чудесный шанс смотаться из дома Берушиных незамеченным, целым, невредимым – и через дверь. Дома он приведет себя в порядок, позвонит по телефону Лерочке, выяснит все подробности своего отвратительного поведения, извинится и вернется с повинной чуть позже, чтобы отвезти невесту в ювелирный салон. Там-то он наверняка загладит свою вину. Если, конечно, после вчерашнего Лерочка не передумала выходить за него замуж.

Клим бодро вернулся в комнату, нашел свой ботинок, собрался его надеть, передумал, снял второй, на цыпочках вышел в коридор в одних носках и, стараясь передвигаться как можно тише, направился к лестнице, ведущей вниз.

Лестница делила этаж на два крыла: в левом располагались комнаты для гостей, в правом – огромная библиотека, кабинет Берушина и спальни супругов. Лерочка единолично обитала на третьем, полностью отвоевав его у родителей и свив там скромное девичье гнездышко по своему вкусу на двухстах квадратных метрах.

«Тесновато ей будет у меня», – крадучись к лестнице, подумал Клим, с тоской посмотрел вверх, живописно представил обнаженную Лерочку на шелковых простынях и вздрогнул, услышав ее голос совсем рядом с собой. Голос раздавался из библиотеки.

– Что тихо? Ну что – тихо? После вчерашнего коктейля, которым ты его угостил, он проспит до полудня, – взвизгнула его невеста. Судя по голосу, Лерочка была в бешенстве. – Папочка, я все понимаю, но обо мне ты подумал? Давайте переиграем все! Я передумала! Передумала!

Клим замер на месте, он хотел уйти, очень хотел, но не смог – ноги приросли к полу. Любопытство, страх и что-то еще шевельнулось в его душе. Подслушивать чужие разговоры было плохо, но речь шла о нем! Неужели Лера передумала выходить за него замуж? Может, он вчера обидел ее? Тогда непонятно, почему в его штанах до сих пор все в относительном порядке?

– Лерочка, поверь, это будет грандиозно, – мягко отозвался ее отец. – Потом мы все расставим по своим местам...

– Я не хочу, – сердито буркнула Лера уже гораздо тише.

– Лера, вы должны понять, что изменить уже ничего нельзя, – еще один голос, незнакомый. В библиотеке был кто-то третий: мужчина, которого Клим не знал. – Помнится, вы были первая, кто поддержал мою идею. И что же: теперь, когда все только-только началось, – вы хотите отказаться? Лерочка, так нельзя. – Мужчина говорил мягко и ласково, тембр его голоса успокаивал, убаюкивал, но Клим напрягался все сильнее – что-то замышлялось против него, что-то ужасное. А он ведь чувствовал угрозу, исходящую от Берушина! Кажется, он вляпался в какое-то дерьмо, вот только бы понять – в какое именно, чтобы принять соответствующие меры.

– Ладно, я согласна, – Лера смягчилась, – но вы уверены, что все будет так, как вы сказали? А вдруг...

– Лера, посмотрите на себя в зеркало. Что вы там видите? А теперь взгляните на это фото.

– Кошмар, – засмеялась Лера.

– Вот вы и ответили сами на свой вопрос. «Вдруг» быть не может, если вы, конечно, сами не передумаете выходить за Клима Щедрина замуж.

Клим побледнел. Против него готовился страшный заговор. Да что, в конце концов, происходит?! Не пора ли ему литься отсюда как можно дальше?

– Не передумаю, – капризно заявила Лера, – я его люблю. Мы великолепная пара! И вообще, сегодня он обещал мне колечко от Тиффани подарить, а вечером в «Метрополе» у меня встреча с целой армией журналистов из модных глянцевого журналов. Это папочкина идея – собрать всех сразу и устроить подобие пресс-конференции, чтобы потом не замучили своими интервью, каждый по очереди. Моя личная жизнь всех по каким-то причинам очень волнует! Я сообщу о помолвке, отвечу на вопросы и продемонстрирую колечко.

– Замечательно, желаю вам как следует поупражняться в словесных поединках с журналистами. Ну что же, мне пора. И не волнуйтесь, Лерочка, все, что мы задумали, получится, и ваша свадьба состоится, – в библиотеке скрипнуло кресло.

Клим в ужасе прижал ботинки к груди. Сейчас его засекут! Бежать по лестнице вниз было поздно. Клим сломя голову бросился обратно в комнату для гостей, прикрыл дверь, облокотился о дверной косяк и расхохотался. «Идиот, – ругал он себя, – это же был свадебный агент! Наверняка Лерочка решила удивить всех размахом торжества, но будущего супруга вовлекать не стала, чтобы палки в колеса не ставил. Вот что значит – подслушивать чужие разговоры, да

еще не сначала, а с середины! Хорошо хоть дослушал до конца, а то был бы уже в аэропорту и покупал билет домой на ближайший рейс Москва – Сахалин. Напридумывал себе черт знает что. Заговор! Да кому он на фиг нужен? Надо же, какая хитрюга! Интересно, что она затеяла? Арендовать боевую субмарину и сыграть свадьбу под водой? Придумала что-то невообразимое, а потом сама испугалась и решила все переиграть. Вот только при чем здесь какое-то непонятное фото, которое привело Лерочку в ужас и убедило одновременно?»

Поразмыслить о загадочной фотографии Клим не успел: в дверь тихо постучали. Он как ошпаренный отскочил от порога к кровати, прыгнул под одеяло, натянул его на нос и сонно разрешил посетителю войти.

Дверь тихо отворилась, в комнату ввалилась Изольда Валентиновна с растрепанными распущенными волосами, в кружевном прозрачном пеньюаре, сквозь который кокетливо проглядывали розовые атласные панталоны с рюшами и бюстгальтер четвертого номера.

– Здравсте, Изо... Изольда Валентиновна, – выдавил из себя Клим и поперхнулся.

– Выпить есть? – хриплым басом спросила Изольда Валентиновна, и Клим понял, почему Берушин закрывает бар в своем кабинете на ключ. Несчастная интеллигентная мамочка Леры, бывшая оперная дива, была законченной алкоголичкой. «Вот тебе и благородное семейство», – внутренне охнул Клим, пытаясь справиться с потрясением.

Изольда Валентиновна закрыла за собой дверь, не смущаясь, проследовала к его кровати и завалилась на постель рядом с ним.

– Ты хороший, не то что они, – протянула женщина, попыталась погладить его по голове, но промахнулась и погладила подушку. Клим сдернул с себя одеяло, в ужасе откатился в сторону и свалился с кровати. – Ты где? – обиженно прогудела Изольда Валентиновна. – Я говорю, выпить у тебя есть? Выпить дашь, я тебе тайну одну расскажу.

– Нету, – отозвался с пола Клим.

– Тогда не расскажу, – разочарованно вздохнула Изольда Валентиновна. – Лерка-то моя и Берушин-урод, знаешь, что задумали. У-у-у! Беги, пока не поздно. Домой поезжай. Нет, лучше выпить дай. О – стихи п-получились!

– Изольда Валентиновна, шли бы вы в свою комнату, а... – ласково попросил Клим.

– А я где? – разволновалась женщина, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Вы у меня в комнате. То есть в комнате для гостей, – вежливо объяснил Клим.

– Да ну? А что я здесь делаю? – искренне поинтересовалась Изольда Валентиновна и икнула, наполнив помещение удушливыми алкогольными парами.

– Не знаю, – буркнул Клим, стараясь не дышать носом.

– Вот и я не знаю, – сокрушенно вздохнула мать Леры, устроилась удобнее на кровати и... отключилась.

– Е-мое! – взвыл Клим. – Изольда Валентиновна! Эй! Вы чего это? – Он осторожно потряс женщину за плечо – она не реагировала. Клим потряс ее сильнее – ноль реакции. Он схватил ее за плечи и с силой встряхнул – Изольда Валентиновна причмокнула губами и громко захрапела.

В дверь тихо постучали.

– Клим! Пора вставать, дорогой! – слышался сладкий Лерочкин голосок, и ручка двери стала поворачиваться.

– Не входи! Я это... не одет! – заорал Клим, бросился к двери и запер ее на ключ.

Некоторое время в коридоре стояла мертвая тишина, вероятно, Лерочка переваривала внезапную застенчивость своего любовника и жениха, с которым уже полгода активно кувыр-калась в постели, и просто лишилась на время дара речи. Потом ручка двери вновь ожила.

– Клим, с тобой все в порядке? – обеспокоенно спросила девушка.

– Уже иду! – прокряхтел Клим, оттаскивая бесчувственное тело будущей тещи в туалетную комнату.

– Клим, открой дверь! – Лера разозлилась. – Ты что там, мебель переставляешь?

– Нет, зарядку делаю. Хочу форму себе вернуть после вчерашнего! Прости, родная, я... перебрал малость, – теряя силы, прохрипел Клим, заталкивая Изольду Валентиновну в ванную.

– Ты чего, офигел? – не очень вежливо отозвалась Лерочка и стукнула по двери ногой. – Хватит издеваться! Открой дверь, мне нужно с тобой поговорить.

– А вот и я! – радостно улыбаясь, сообщил Клим и распахнул дверь.

– Боже мой, ну и ро... видок у тебя, – разглядывая жениха, скривилась Лерочка, отодвинула Клима с порога и вошла в комнату. – Хотела тебе сказать, что... что это? – удивленно тыча пальцем в направлении ванной, поинтересовалась Лерочка. Клим проследил за направлением ее руки и вспотел – посреди комнаты валялась розовая мохнатая тапочка с помпоном.

– Ты, знаешь, Лерочка, я сам хотел у тебя спросить – что это? – встал в позу Клим.

– Надо будет горничную отчитать, – нахмурилась Лерочка.

– Да, – с жаром поддержал идею Леры Клим, – раскидана, понимаешь, всякая фигня по дому... – Из ванной комнаты донеслись оглушающие раскаты храпа, и Клим умолк. Лера молча, решительно проследовала на звук, заглянула в ванную, повернулась к Климу и, полыхая румянцем, отчеканила:

– В следующий раз, когда ты останешься у нас ночевать, я попрошу горничную лучше следить за порядком в комнате для гостей! – Выдержке Лерочки можно было только позавидовать.

– С твоего позволения, я поеду домой, – улыбнулся Клим, натянул ботинки и направился к лестнице. Лера поспешила следом.

– Клим! – окликнула она его напряженно. – Ты вернешься? Я хотела рассказать тебе... Понимаешь... Мы с папой хотели, но... Прости меня.

Он подошел к ней, прижал к себе и поцеловал в лоб.

– За что я должен тебя простить, глупышка, – нежно сказал Клим. – Я поеду домой, приму душ, переоденусь и заеду за тобой. У нас ведь намечен поход в ювелирный салон. Ты не забыла?

– И ты после всего не передумал жениться на мне? – потерянно спросила Лера.

– Даже не мечтай об этом, – усмехнулся Клим. – Так о чем ты хотела со мной поговорить?

– Хотела обсудить планы на день. Кстати, как ты себя чувствуешь? Голова не болит? – хихикнула Лера и хитро прищурилась.

– Не понимаю, как это случилось? – развел руками жених и тяжело вздохнул.

– Зато я понимаю! – захохотала Лерочка. – Не хотела тебе говорить, но раз уж ты теперь в курсе... В общем, папочка вчера угостил тебя коньячком, который предназначался маме. Там было... Ты только не смейся! Я к бабке одной ездила... Ну, в общем, она мне дала средство заговоренное, флакончик такой... и сказала, чтобы я мамусе в рюмку две капли капнула, чтобы ее от алкоголя отвадить. Она пообещала, что, если мама сделает хоть один глоток, ей станет очень плохо и она навсегда бросит пить. Я подумала, что в рюмку налить это зелье у меня не выйдет, и налила в бутылку, а папочку предупредить забыла.

– Господи, Лера, ну ты как маленькая, в самом деле! – возмутился Клим. – Доверяешь всяким шарлатанам!

– Ну не знаю, не знаю... – скептически заявила Лера.

– Что ты не знаешь! – нахмурился Клим. – Она тебе дала отраву какую-то, голова до сих пор болит. Но вот что я тебе скажу: от пивка я бы сейчас не отказался. Кошмар, Лера, ты меня чуть не убила! Мне было так плохо вчера.

– А нам, думаешь, хорошо было? – рассердилась Лерочка.

– Вам-то чего? – удивился Клим.

– Как это – чего? – надула губки невеста. – Это снадобье на твой организм как-то странно подействовало. Мы тебя целый час из-под стола в кабинете пытались вытащить! Ты сидел там и плакал.

– Чего? – ошарашенно переспросил Клим.

– Плакал!

– Вот, я же тебе говорил, бабка твоя тебе наркоту какую-то подсунула. Какая же ты... – Гневную обличительную речь Клима прервал звонок его мобильного. – Слушаю, – ответил он. – Кто говорит? Какая еще пипа? Пипа! – завопил Клим и подпрыгнул на месте. – Господи, ты в Москве! Конечно, могу. Где? И когда? Понял, созвонимся ближе к вечеру, – радостно закивал Клим и отключился. Лерочка сконфуженно топталась рядом.

– Что еще за пипа такая? – тихо спросила невеста, искоса поглядывая на Клима.

– Лерочка! – вцепившись в руку девушки, закружил ее по коридору Клим. – Мой друг детства приехал! Сто лет не виделись. Он, как и я, с Сахалина, но сейчас в Америке живет. Уехал в Штаты искать голливудской славы – он актер. Жаль его, здесь он подавал большие надежды и даже снялся у самого Варламова в одном фильме. Но в Америке, как я понял, у него что-то не заладилось, работает в каком-то занюханном театре за гроши, но возвращаться все равно не собирается – амбиции, блин, мешают.

– Варламов? Это действительно культовый режиссер. Повезло твоему другу! Но его что – в самом деле зовут Пипа? – растерянно спросила Лера.

– Его зовут Петр Павлович Заболоцкий, – захохотал Клим. – Пипа – это кликуха у него такая. Аналогия: Заболоцкий – болото – лягушка – пипа.

– Пожалуйста, Клим, не называй его при мне так, это отвратительно, – недовольно высвобождаясь из объятий жениха, попросила Лера. – И вообще, почему ты договорился с ним о встрече, не обсудив это со мной? – Лерочка вновь решила показать свои коготки, и Климу это не понравилось.

– А я должен был это сделать? – сухо поинтересовался он.

Лера уловила перемену в его настроении и смутилась.

– Но, Клим, сегодня вечером у меня встреча с журналистами, и мы должны пойти туда вдвоем.

– Интересно, а почему я об этом не знаю? – ядовито спросил Клим.

– Я думала...

– Не знаю, о чем ты там думала, – жестко прервал Леру Клим, – но хочу тебя предупредить – это в первый и последний раз, когда я меняю свои планы из-за твоей прихоти. Впредь, пожалуйста, изволь информировать меня о таких вещах заранее. До встречи, дорогая.

Клим ушел. Лера долго смотрела ему вслед, кусая от злости губы, – теперь она не сомневалась, что утром поступила совершенно правильно.

Глава 5

Старые друзья и новые планы

Теплым летним вечером того же дня в мягком свете фонарей Манежной площади и в агрессивных неоновых отблесках витрин Тверской новое изысканное платиновое колечко от Тиффани со скромным бриллиантом в два карата переливалось и играло всеми цветами радуги. Лерочка в очередной раз вытянула руку, полюбовалась кольцом издали, удовлетворенно вздохнула и нежно улыбнулась Климу. Клим улыбнулся в ответ и притянул Леру к себе.

– Давай немного пройдемся, – предложил он, задумчиво разглядывая свою будущую жену. Несколько минут назад они вышли из гостиницы «Метрополь», и Лерочкино личико все еще полыхало очаровательным нервным румянцем после недавнего общения с назойливой прессой.

– Пройдемся? – оживилась Лера и загадочно покосилась в сторону подземного торгового центра.

– Пойдем на Камергерский кофе пить, – уловив во взгляде невесты явные намерения посетить дорогие бутики, испуганно уточнил Клим и решительно потянул Лерочку в другую сторону. Кажется, он некорректно сформулировал свое предложение и допустил ужасную ошибку – слово «пройдемся» в понимании женщин имело только одно смысловое значение: «пройдемся по магазинам», но подобное бездарное времяпрепровождение Клим ненавидел. Тем более что у него имелось только полчаса, на поздний вечер намечалась встреча с Заболоцким.

На Камергерский Лерочка плелась без особого энтузиазма, настроение ее явно испортилось.

– Ты со своим другом во сколько встречаешься? – недовольно спросила она, и по ее тону Клим понял, что Лерочка сейчас сделает все возможное, чтобы испортить настроение и ему.

– После одиннадцати, – осторожно сообщил он.

– Я поеду с тобой. Давно мечтала познакомиться с кем-нибудь из твоих друзей, – заявила Лерочка и злорадно улыбнулась.

– Тебе будет с нами неинтересно, – кисло отозвался Клим. Пить кофе с невестой ему расхотелось.

– Ничего, переживу. Позвони ему и предупреди, что ты приедешь не один, – торжествуя заявила Лара и протянула ему мобильный телефон.

– Хорошо, дорогая. Надеюсь, ты не будешь комплексовать в обществе двух голых мужиков с красными рожами и венниками, – хмыкнул Клим, игнорируя сотовый невесты и вытаскивая из кармана свой телефон.

– Что ты имеешь в виду? – растерялась Лерочка.

– Я имею в виду, что мы с Заболоцким собрались отметить нашу встречу в русской бане и зарезервировали на ночь отдельный кабинет, – язвительно заметил Клим и набрал номер друга.

Заболоцкий, как ни странно, предложение Клим – познакомиться с его невестой – воспринял восторженно и с энтузиазмом, но прежнюю договоренность о походе в русскую баньку застенчиво отменил, сославшись на легкое недомогание после утомительного перелета из Штатов. Посоветовавшись, решили перенести встречу к Климу домой, в «маленькую» холостяцкую квартирку на Чистых Прудах, переделанную из пятикомнатной запущенной коммуналки в «трешку»: спальню, кабинет и просторную гостиную, главной достопримечательностью которой был домашний кинотеатр. В отличие от дома Берушиных, сплошь обставленного антиквариатом и мебелью в стиле модерн, со всеми вытекающими из этого элементами интерьера: венецианский хрусталь, фарфор, ковры ручной работы, тяжелое столовое серебро, редкие книги, дубовый паркет, – квартира Клима Щедрина была оформлена просто, стильно и функ-

ционально: минимум мебели, больше свободного пространства, воздуха и техники последнего поколения. Лерочке квартира нравилась, особенно, спальня с мерцающим ночью потолком, имитирующим звездное небо, и с удобным водяным матрасом. Но долго жить в ней Лерочка категорически не собиралась, уже неоднократно намекая Климу, чтобы тот подумал над приобретением земли под строительство собственного дома. Клим не возражал. До встречи с Лерочкой дом был ему не нужен. Учитывая специфику его бизнеса, приходилось постоянно мотаться из Москвы на Сахалин и обратно, но сейчас ситуация изменилась. Клим решил, что если Берушин поможет ему легко выйти из икорного бизнеса, то он плотно оседет в Москве и серьезно займется этим вопросом.

За Пипой Заболоцким заехали в гостиницу и, отоварившись в ближайшем супермаркете пивом и прочими вкусностями, отправились праздновать долгожданную встречу и новое знакомство. По дороге к дому Петр выдал полную информацию о своей неудавшейся карьере и тяжелой жизни в Америке. Рассказ сопровождался активной жестикуляцией и громкими неприличными комментариями.

Уже дома, выложившись эмоционально и морально, Заболоцкий успокоился и, блаженно развалившись на полу на мягких подушках в гостиной, переключился со своей тяжелой жизни на отношения Клима и Леры.

– Лерочка, присаживайтесь рядышком с нами и расскажите мне, как вы решились связать свою жизнь с этим засранцем? – кокетливо поинтересовался Петр, разглядывая Лерочку в упор.

– Заболоцкий, полегче! – притворно возмутился Клим. Он тоже устроился рядом с другом на полу и постоянно щелкал пультом телевизора, переключая программы.

– Клим, прекрати! Выключи свой дурацкий телевизор, – раздраженно попросила Лерочка.

Приглашение сесть рядом она проигнорировала, лишь вежливо улыбнулась и осталась сидеть в кресле. Эмоциональный Заболоцкий со своими грубыми шутками и пошлыми островами ей явно не нравился. Это было странно, потому что Петр, при всей своей внешней некачественности (Заболоцкий сильно смахивал на Пушкина), у женщин всегда пользовался огромной популярностью. Секрет успеха Заболоцкого был прост: он умел так жалостливо и трагически смотреть на избранницу, что нежное сердце очередной жертвы сразу таяло.

– Лерочка, скажите, а где он вас, такую красивую, нашел? – не унимался Петр.

– Мы познакомились в Нахабине, – вяло отозвалась Лерочка, потягивая красное вино из бокала. От пива она отказалась. Как благовоспитанная девица, Лерочка искренне считала, что пить пиво – моветон.

– Это где ж такое и с чем его едят? – спросил Заболоцкий, с наслаждением отхлебнув из бутылки пиво.

– В Подмоскowie. Мы в гольф-клубе познакомились, – объяснила Лера и уточнила: – «Ли Мередиан Москоу Кантри Клуб» называется.

– Ах, вот, значит, где тусуются такие красавицы! На гольфовых полях! Батюшки, кто бы мог подумать! Что ж я раньше-то не знал, была бы у меня сейчас красавица-жена, а не моя корова Сонька! – радостно воскликнул Петр. – Знаешь, Клим, она так в Штатах отождралась, что в дверь скоро не пролезет. Жуткое дело! По дому ходит – посуда в серванте позвякивает.

– Твоя Сонька? – удивился Клим. В его памяти всплыла миловидная невысокая девушка с темными глазами и большой (но в меру) «филейной частью» и тонкой талией.

– Да, моя Сонька. А стерва какая стала! Стервозность у нее прибывает вместе с новыми килограммами в равной пропорции. Дочь вся в нее, малая еще, а туда же – папа, дай денег!

– Сколько ей уже лет? – усмехнулся Клим.

– Десять, – тяжело вздохнул Петр. – Мы же ее с Сонькой еще до свадьбы заделали. Вы-то как, не того еще?

– Нет, – громко и быстро ответила Лерочка, она даже поперхнулась вином, представив себе подобную перспективу.

– Мы с Лерой в ближайшее время не планируем заводить детей. Лера не так давно закончила обучение и теперь хочет попробовать себя в роли бизнесвумен.

– И ты позволишь жене работать? – удивился Заболоцкий. – Я бы на твоём месте запер такую красотку в квартире и на улицу не выпускал. Вдруг уведут?

– Вы, вы просто... – Лерочка захлебнулась от возмущения.

– Успокойся, дорогая, Петр шутит, – попытался успокоить невесту Клим. – Да, Заболоцкий? Скажи Лерочке, что ты шутишь.

– Шучу, – притих друг. – А где пиво? Я еще хочу.

– Сейчас принесу, – поднялся с пола Клим. – Чур, не ссориться, пока я буду на кухне.

– За своей речью следи, придурок, – сквозь зубы процедила Лерочка, как только Клим ушел.

– Что? – растерянно переспросил Заболоцкий и, округлив глаза, ошарашенно уставился на Лерочку.

– Что слышал, кретин. Будь вежлив и обходителен, я хамов терпеть не могу, и мой отец тоже. Все понял?

Петр ответить не успел, вернулся Клим.

– Слушай, Заболоцкий, возвращаясь к разговору о гольф-клубе. Хочешь, я тебя туда отвезу? А что, поиграем, отдохнем? – присаживаясь рядом с другом, предложил Клим, задумчиво глядя на запотевшую бутылку пива – пить ему категорически не хотелось, мало того, от запаха алкоголя его мутило, и за вечер он так и не смог сделать ни одного глотка божественного напитка.

– А шо мне там делать, в этом вашем гольф-клубе? – нарочно коверкая слова, возмутился Заболоцкий. «Наезд» Лерочки он проглотил достойно и в ее сторону старался больше не смотреть. – Нет уж – увольте! Я человек простой и ленивый. Мне бы с удочкой на берегу посидеть, помедитировать, шашлычку под водочку с хорошей компанией покушать. Посему встречное предложение. Давай на рыбалку куда-нибудь в Тмутаракань махнем на недельку? Если честно, я для этого и прилетел. Задолбался в цивилизации жить, душа требует родных просторов. Ты никогда не слышал об озере «Щучья нора»?

– Нет, ни разу не слышал, – удивился Клим.

– Так вот, есть такое озеро, ехать километров шестьсот от Москвы. Места там рыбные – закачаешься! Я в Интернете поковырялся и ссылочку одну интересную нашел. Там недавно рыболовная база открылась, дорогая, правда, но первым посетителям обещают хорошую скидку. Понимаю, для тебя это не столь существенно. Но у меня другая финансовая ситуация, и такую возможность я упускать не хочу. Поехали, Клим! – умоляюще попросил Петр и покосился на Леру.

Девушка недовольно сморщила носик, но промолчала. Клим тоже нерешительно посмотрел на невесту.

– Петь, я бы с удовольствием, – мягко отозвался Клим, продолжая коситься на Лерочку, – ты же знаешь, как я рыбалку уважаю. Можно сказать, даже обожаю. Да и с делами у меня сейчас все в порядке... Вполне могу небольшой отпуск взять без ущерба для бизнеса. Потом, мы с тобой не виделись столько лет. И от скидок я никогда не отказывался, потому что деньги счет любят... Только вот свадьба на носу, подготовка опять же, боюсь, что Лерочка меня не...

– Понял, улыбаюсь. Проблема, как я понял, в согласии Лерочки, – подыграл Климу Заболоцкий, театрально встал на колени и, сложив руки на груди, обратился к девушке: – Уважаемая Валерия, не будете ли вы так любезны отпустить вашего жениха со мной на рыбалку? Всего на несколько дней! В свою очередь, гарантирую вам блюсти его моральный облик и всячески оберегать от соблазнов и чар коварных русалок, если таковые покусятся на его честь.

– Ты хочешь поехать, Клим? – сухо поинтересовалась Лера. – Только, пожалуйста, ответь просто, и не нужно пудрить мне мозги, изображая из себя несчастного страдальца. Честное слово, меня чуть не вырвало только что от ваших примитивных попыток меня разжалобить!

– Фи, дорогая, как грубо, – расхохотался Клим. – Естественно, я хочу поехать. Очень хочу!

– Тогда поезжай, какие проблемы. Тем более что до свадьбы еще полно времени. Да и вообще, неужели ты думаешь, что я допущу тебя к подготовке к этому торжеству? Ты же все дело завалишь и будешь мне только мешать.

– Оба-на! – возмутился Клим. – Спасибо за комплимент, дорогая. Позволь полюбопытствовать, а я сам в качестве жениха на свадьбе тебе не помешаю?

– Клим, не передергивай. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Ладно, приятно было познакомиться, не буду больше вам мешать, – мило улыбнулась Лерочка и встала.

– Не понял. Ты куда? – удивленно спросил Клим.

– Я к часу вызвала своего водителя. Он меня уже сорок минут у твоего подъезда ждет. Ты только не обижайся, я просто хочу нормально выспаться.

– Хорошо, я тебя провожу, – не стал спорить Клим.

Натянутые отношения между Лерой и лучшим другом серьезно его напрягали. У него даже в голове мелькнула странная мысль, что они раньше знали друг друга. Это была не просто психологическая несовместимость – они ненавидели друг друга, как близкие знакомые или как люди, знающие друг о друге нечто неприятное, какую-то грязную тайну. Но этого не могло быть, потому что с Заболоцким Лерочка никак не могла раньше пересекаться. Или могла?..

Клим проводил Леру до машины, вернулся в квартиру и внимательно посмотрел другу в глаза. Заболоцкий уловил этот странный взгляд и смутился.

– Прости, я вел себя с твоей невестой как дурак. Не понимаю, почему. Она у тебя потрясающая, только неприступная какая-то, вот мне и захотелось ее позлить, – сконфуженно объяснил свое поведение Петр.

– Ничего, мне и самому иногда это доставляет удовольствие, – успокоился Клим.

– Тогда давай выпьем за вас! Чтобы у вас все хорошо было! – радостно предложил Петр.

– А давай! – Клим с энтузиазмом поддержал эту идею, схватил свою бутылку, чокнулся с другом, поднес бутылку ко рту и... позеленел.

– Ты чего? Тебе плохо? – озабоченно спросил Заболоцкий, глядя на перекошенную бледную физиономию Клина.

– Пить не могу, – сквозь зубы процедил Клим. – Заболоцкий – это трендец! Меня, кажется, закодировали от алкоголя.

– А что, были проблемы? – тактично поинтересовался Петр.

– Проблемы были, но не у меня, а у другого человека. Я случайно под раздачу попал! Пипа – это же... Это же... Как я буду жить теперь! – завыл Клим. Друг тоже не на шутку встревожился – ехать с трезвенником-другом на рыбалку было не в кайф.

– Пей через силу! – заорал Заболоцкий на все квартиру и попытался влить пиво Климу в рот.

Клим мужественно сделал глоток, скривился, выпучил глаза и, бодро вскочив на ноги, помчался в туалет. Вернулся он только через полчаса с лицом, исполненным боли и печали, затравленно посмотрел на Заболоцкого и молча сел на диван. Глаза Пипы Заболоцкого выражали мировую скорбь и отчаяние – пить пиво ему тоже расхотелось.

Долго сидели молча, каждый думал о своем.

– Когда едем? – нарушил скорбное молчание Клим.

– Послезавтра, – тяжело вздохнул Заболоцкий.

– Ничего, время еще есть, не переживай, Пипа, я справлюсь, – успокоил Заболоцкого Клим и направился в кабинет раскладывать диван для товарища по несчастью.

Глава 6

Возвращение

Как странно, размышляла Алевтина, стоя с сумкой на перроне своей станции. Она не была дома несколько долгих лет, а здесь ничего не изменилось, будто время замерло и остановило свой ход. Все то же унылое серо-зеленое здание железнодорожного вокзала, площадь, рынок, автобусная остановка, обозначенная желтым столбиком с погнутой табличкой, кирпичный магазинчик хозяйственных товаров с металлической скрипучей дверью, булочная-пекарня и невероятно родной, до боли знакомый аромат горячего свежего хлеба, перемешанный с густым маслянистым запахом железнодорожного полотна и выхлопами дребезжащих старых автобусов, вечно отстающих от расписания...

Все осталось по-прежнему.

Аппетитные запахи булочной-пекарни заставили Алечку тщательным образом обследовать сумку и карманы с надеждой отыскать там хоть немного мелочи. Повезло: несколько монеток завалилось за подкладку сумки, этого должно было хватить на батон, и девушка, глотая слюнки, пристроилась в конец небольшой очереди.

Очередь хоть и была небольшой, но тянулась бесконечно долго. Колоритная пышная продавщица с золотой «фиксой» и сиреневыми волосами считала своим долгом обсудить с каждым покупателем последние горячие новости и свою личную жизнь. Через десять минут Алевтина уже знала обо всем, что происходит в городе. Например, что у непутевой Катки с улицы Ленина, 4, сдохла корова, подавившись яблоком; что у Петра, который с усами, а не с бородой, куры несут яйца с двумя желтками, и он, нахал, продает их на рынке вдвое дороже; что на берегу озера наконец-то открылась пустовавшая несколько лет рыболовная база: ее отремонтировали и благоустроили, и в город скоро зачествят богатенькие мужички – оторваться на природе и половить рыбки. Богатенькие, потому что стоимость проживания на базе за одни сутки превосходит все мыслимые и немыслимые пределы. Новый владелец базы, странный субъект преклонного возраста, обсуждался продавщицей и местными жителями особенно жарко и почему-то шепотом. Загадочный богатый старик, передвигающийся по городу в основном на большом черном джипе с затемненными стеклами, только в сопровождении охраны и огромной седой псины неясной породы, вызывал интерес и наводил ужас на население. С местными жителями владелец базы контактов практически не поддерживал, ограничился лишь заключением нескольких договоров с парой магазинов на поставку продуктов. Сама база, огороженная высоким забором, для простых смертных была закрыта, и даже обслуживающий персонал, который там теперь работал, старик привез с собой. Возможно, именно это и подстегивало интерес городской общественности к его персоне.

– Вам чего? – нелюбезно гаркнула продавщица, когда наконец подошла очередь Алевтины.

– Батон! – так же нелюбезно рявкнула Аля и высыпала мелочь на прилавок.

– Что-то я тебя не знаю, – подозрительно разглядывая Алевтину, сообщила продавщица.

– Я вас тоже не знаю.

– Хм, ходят тут всякие, а потом недостача в кассе выявляется, – скривилась женщина, сгребла мелочь с прилавка и, тщательно пересчитав, выдала Алечке хлеб.

Хорошо же ее встретил родной город, с горечью подумала Аля, забирая горячий батон из рук хамки-продавщицы. А на что она, собственно, рассчитывала, с такой-то рожей? Нос распух, губы, как у Поля Робсона, переднего зуба нет. Да, что же скажет тетя, когда ее увидит?

Алевтина отщипнула горбушку, с наслаждением сунула хрустящую корочку в рот и неторопливо направилась к дому. С теткой Зинаидой они не виделись девять лет, но это был ее единственный близкий и родной человек в этом мире.

Мать Алевтины умерла, когда девочке только-только исполнилось пять лет. Глупая, нелепая смерть: перебежала железнодорожное полотно, чтобы успеть на электричку, споткнулась и попала под товарняк. Все, что от нее осталось, хоронили в закрытом гробу. Но Алечка свою мать совсем не помнила, знала ее только по рассказам тетки, которая забрала Алю к себе и воспитала как свою родную дочь.

У тетки был свой частный маленький домик в черте города, запущенный яблоневый сад, огород, заросший сорняками и крапивой, и фортепьяно, которое тетка успела выкупить по остаточной стоимости перед окончательным развалом районной музыкальной школы, где она проработала преподавателем по вокалу много лет.

Жили бедно. Лишившись работы, тетка пыталась подрабатывать частными уроками, но была так строга и требовательна, что ученики частенько уходили от нее в слезах и предпочитали не возвращаться. Оставались самые стойкие и талантливые, с которыми тетушка начинала заниматься практически бесплатно и много. Часто тетушка занималась и с Алевтиной, она просто бредила идеей, что племянница поступит в консерваторию. Все было бы ничего, если бы мечта Зинаиды не перешла в манию и ее невероятное усердие сделать из Алечки великую вокалистку не кончилось тем, что она ухитрилась напрочь отбить у девушки желание петь.

Решение племянницы стать актрисой тетушка восприняла очень болезненно, на письма, которые Алечка строчила сначала регулярно, потом заметно реже, тетка принципиально не отвечала, так и не простив племяннице, что та поступила против ее воли.

«Ничего, кинусь в ноги – простит. Иначе быть не может», – успокаивала себя Алечка, продолжая жевать батон. Чем ближе она подходила к дому, тем больше нервничала. А ведь тетка оказалась права, поступать во ВГИК не следовало. Но и о консерватории не могло быть и речи. Кошмар! Алечка даже вспотела от ужаса. Перед глазами промелькнуло тяжелое детство и бесконечные занятия вокалом. Ни за что и никогда! Интересно, тетка до сих пор учеников берет? Если да, то спокойной жизни не будет. До дома оставалось несколько шагов. Вот уже видна раскидистая яблоня, опустившая свои тяжелые ветви на покосившийся забор, металлическая калитка, замок...

...Замок. Алевтина растерянно огляделась, приподнялась на цыпочки и заглянула во двор – тропинка, ведущая к дому, заросла травой, окна закрыты ставнями, на крыльце – опавшие подсохшие листья...

– Господи! – Аля просунула руку между металлическими прутьями, пошарила с той стороны рукой – ключ от замка висел на гвоздике, как обычно. Она отперла замок, бросилась к дому, влетела на крыльцо, швырнула дорожную сумку на пол и зачем-то забарабанила в запертую дверь кулаками.

– Эй, ты чаво это, дефка, фулюганишь?! Не видишь, нету тут никого! – окликнул ее скрипучий старческий голос, и Алевтина обернулась.

У забора, отделяющего их участок от соседского, гневно сверкая маленькими подслеповатыми глазками, стояла древняя сухощавая старушка Прокопьевна. «Надо же, жива еще», – не без удивления подумала Алевтина. Прокопьевне было столько лет, что, не исключено, она знала самого царя Гороха. За время своей бесконечной жизни старушка утратила слух и первую часть своего имени. Как зовут бабу, никто уже не помнил, и все величали ее исключительно по отчеству. Бабка не обижалась.

– Прокопьевна, это же я, Аля! – подойдя к забору, проорала в ухо бабушке девушка и широко улыбнулась.

– Вот те раз, воротилася, значит, – озадаченно почесала макушку бабка. – А зуб куды дела? В Москве своей оставила? Аль подарила кому на память?

– С лошади упала на съемках! – соврала Алевтина. – Вы не знаете, куда моя тетя подевалась? Приехала, а дом закрыт!

– Да не ори ты! – возмутилась бабуся. – У мене слуховой аппарат имеется. Во, видала, внучата подсуропили, – доложила бабка, сняла платочек и гордо продемонстрировала свое ухо, украшенное маленькой белой коробочкой. – Слышу тепереча за версту, как лисица. А Зинаида твоя знамо где – на кладбище она, – тяжело вздохнула Прокопьевна. – Ох, уж ждала она тебя, непутевую, все глаза проплакала!

– Этого не может быть! – закричала Аля и, рыдая, осела на землю.

– Ты чаво, Алевтина? – испугалась бабуся.

– Когда это случилось? – обливаясь слезами, спросила Алечка.

– Так, чаво, чаво случилось-то? – изумленно переспросила Прокопьевна.

– Когда моя тетенька умерла? – уточнила Аля, всхлипывая.

– Да господь с тобой, – несколько раз перекрестилась бабка. – С чего это ты решила, что Зинаида умерла?

– Вы же сами сказали, что она на кладбище, – перестала плакать Аля.

– Ну да, на кладбище, токмо работает она тама.

– Господи! Значит, моя тетенька жива, – с облегчением вздохнула Аля и поднялась на ноги. – Погоди, Прокопьевна, а кем она работает на кладбище? – опять растерялась девушка. – Кем, Прокопьевна?

– Кем надо, тем и работает, – недовольно проворчала бабка. – Некогда мне с тобой лясы точить, надобно еще картошку окучить и укроп прополоть. Отдохни малость с дороги да к ней и ступай, она тебе все и расскажет. Ключ под половиком. Сама Зинаида здесь редко появляется, с гробовщиком ныне зазнакомилась тесно. Дом у него аккурат у самого кладбища стоит, не пропустишь, – сообщила Прокопьевна, хитро подмигнула Алевтине и поковыляла на свой огород.

Аля проводила взглядом бодрую старушку и, с трудом передвигая ноги, принялась искать ключ от входной двери.

В доме резко пахло сыростью, пылью и еще чем-то непостижимо знакомым. Какая-то гремучая смесь тонких, еле уловимых ностальгических запахов, вдохнув которую мозг непроизвольно начинает прокручивать, как киноленту, множество приятных и огорчительных кадров из далекого прошлого. Это был запах ее детства и юности.

В полумраке прихожей Алевтина споткнулась о жестяное ведро, нащупала выключатель, пощелкала им несколько раз, но без толку – свет не работал. Пришлось выходить на улицу и открывать ставни, что она и сделала.

Алевтина вернулась в дом. Свет из окон открыл взору унылую заброшенную комнату, мебель, закрытую белыми простынями, и фортепьяно. Сердце девушки заныло от тоски и чувства вины, из глаз потекли слезы. Аля села в кресло и закрыла лицо руками. Как она могла так поступить с женщиной, которая заменила ей мать? Как она могла бросить ее одну и уехать? Неблагодарная тварь, вот кто она такая! И что теперь? Несчастной одинокой тетушке приходится зарабатывать себе на хлеб на кладбище! Господи, она уже опустилась до того, что живет с гробовщиком! Это было так ужасно, что от потрясения Алевтина не могла прийти в себя целый час. Понемногу она все же взяла себя в руки и даже немного повеселела, размышляя о том, как теперь будет помогать тетушке и заботиться о ней. Но идти на кладбище было рано, нужно было хоть немного привести себя в порядок. С лицом, очевидно, сделать ничего было нельзя, но Алечка рассчитывала, что хотя бы замаскирует следы недавних слез. Ей очень не хотелось, чтобы тетка Зинаида расстроилась еще и из-за этого.

Подхватив в прихожей ведро, о которое она недавно споткнулась, Алевтина вышла во двор и направилась к колодцу. Дом Зинаиды был оборудован водопроводом, колодец использовался редко, лишь когда случались перебои с водоснабжением. Но Алечке хотелось умыться именно ледяной колодезной водой, ощутить кожей легкое свежее покалывание, взбодриться и

попробовать воду на вкус. А пить очень хотелось: пока Алевтина шла от станции к дому, она даже не заметила, как всухомятку проглотила целый батон.

Девушка открыла тяжелую дверцу колодца, одно ведро установила на приступку, другое сняла с крюка, спустила на цепочке вниз, зачерпнула воды, схватилась за металлическую ручку, плавно прокрутила несколько раз и, выпустив ручку, отпрыгнула в сторону. Ручка со свистом раскрутилась в обратном направлении, раздался громкий шлепок, но Алечка его не слышала – она с ужасом смотрела на то ведро, что взяла в доме минуту назад, и не могла поверить своим глазам. Это было ведро-близнец – копия того, которое она прихватила для маскировки из квартиры убитого продюсера Зеленцова, а после выкинула у своего дома в мусорный бак! Та же погнутая ручка с треснутым белым пластиком, та же вмятина сбоку, по форме напоминающая птичку. Но этого не может быть! Вероятно, она сошла с ума и у нее начались галлюцинации? Алевтина крепко зажмурилась и вновь открыла глаза – галлюцинация не исчезла. Воды из колодца ей почему-то больше не хотелось. Аля бросилась в дом, открыла холодную воду и сунула голову под кран. Через пять минут замерзли уши, щеки и затылок, еще через пять минут «остекленели» мозги и включился автопилот.

У кладбища она появилась причесанная, посвежевшая, щедро напудренная, с немного глупой улыбкой на лице и полным отсутствием эмоций. Возможно, именно это и спасло ее от окончательного расстройства психики, когда она постучалась в дверь маленького рубленого домика с металлической табличкой «Эксклюзивные гробы от производителя по доступным ценам», и на пороге возникла ее тетушка, помолодевшая лет на десять. У Алечки челюсть медленно поползла вниз, у тетушки начался тот же процесс. Некоторое время они таращились друг на друга – молча и с ужасом.

– Кто пришел, топ апи? – раздался приятный мужской голос из глубины дома, и за спиной у тетки появился пожилой подтянутый мужчина, с аккуратной стрижкой, немного грубоватыми, но приятными чертами лица и печальным взглядом. Одет он был по-молодежному, в джинсы и свободную белую майку.

– Аля! – заорала тетушка, наконец «отмерла» и бросилась к Алевтине с объятьями и слезами. – Господи, что у тебя с лицом? Что с тобой стряслось? Девочка моя, я так соскучилась, – сквозь слезы всхлипывала тетушка.

– И я соскучилась, тетечка. Боже мой, какая ты красивая! – счастливо смеялась Алевтина, разглядывая женщину: перемены в тетушке свершились колоссальные. Теперь просто невозможно было представить, что когда-то Зинаиду за глаза называли сухарем и занудой. Невзрачная, нескладная, худая дылда, с вечным «пучком» и строгим колючим взглядом – куда все это подевалось? Откуда взялась эта стройная русоволосая женщина со стильным каре, счастливым лицом и умелым макияжем?

– Я ведь замуж выхожу, Алечка, – зарумянилась тетушка. – Господи, да что же мы в дверях-то стоим! Проходи скорее, устала, наверное, с дороги. Познакомься, это Сан Саныч, мой будущий супруг...

– Очень приятно, – криво улыбнулась Аля и прошла вслед за тетушкой в дом.

Скромный домик гробовщика внутри оказался довольно просторным и... по-царски обставленным! Мебель просто потрясала: здесь каждая деталь интерьера, будь то стул, стол, комод или диван, представляла собой произведение искусства. Во всем чувствовалась индивидуальность и рука хорошего мастера. Дорого, стильно и со вкусом, пожалуй, даже очень дорого. Аналогичные эксклюзивные стульчики и кресла девушка видела в одном московском элитном мебельном салоне, куда она как-то зашла из любопытства. Ценник, который украшал один лишь стульчик из комплекта для столовой, включал в себя столько ноликов, что Алечка с перепугу вылетела из магазина.

– Ничего себе! – воскликнула девушка, изумленно оглядываясь по сторонам.

– Это все Сан Саныч, – похвалилась тетушка. – Присаживайся, Алечка, сейчас я быстренько все организую, сядем и поболтаем от души. Сан Саныч, что ты как не родной. Развлеки пока гостью, – улыбнулась тетушка и, подтолкнув девушку к столу, ускользнула в другую комнату.

Сесть на такой красивый стул было страшно, пришлось себя заставить. Алевтина неуверенно пристроилась на самом краешке, продолжая растерянно таращиться по сторонам и искоса поглядывая на будущего супруга тетки, который расположился на диване и тоже смущенно разглядывал Алевтину.

– Красиво у вас, – пискнула Аля, когда неловкая пауза затянулась.

– О, благодарю покорно, топ апі, – стеснительно улыбнулся Сан Саныч и умолк.

– Я ненадолго, – вякнула Алевтина.

– Куда? – невнятно спросил Сан Саныч.

– Сюда, – невнятно же объяснила Аля.

– Понятно, – рассеянно сказал Сан Саныч и радостно вскочил, увидев свою будущую супругу с большим подносом в руках.

Зинаида ловко расставила на столе разносолы, тарелки и вновь ускользнула на кухню. Сан Саныч остался стоять посреди комнаты, мучительно размышляя – вернуться ли ему обратно на диван или уже сесть за стол.

– А скажите, пожалуйста, – привстала со своего стула Алевтина, – вот это все вокруг – это откуда?

– Вот это все вокруг, Алечка, – вернулась в комнату тетушка, – Сан Саныч сам, своими руками сделал – хобби у него такое.

– Ну уж ты... – промычал Сан Саныч, – хотя...

– Ничего себе! Вы?! Да вы просто гений! – воскликнула Алевтина.

– Ну уж вы... Так уж и... Хотя... – опять промычал Сан Саныч, заливаясь довольным румянцем.

– Конечно, гений, – рассмеялась тетушка. – Вообще-то он у меня на все руки мастер, потрясающие гробы делает, у нас с другой стороны дома мастерская. Поэтому мы рядом с кладбищем и живем. Так удобнее. А что? Нормальная работа, как и все. Сначала меня это смущало немного, пока Сан Саныча поближе не узнала. А потом... Ты знаешь, Алечка, как мы познакомились? Сан Саныч пришел ко мне брать уроки по вокалу, – залиvisto рассмеялась тетушка. – Ох, помню, после первого занятия я его выгнала взашей – ни слуха, ни голоса. И это еще мягко сказано! Я тогда подумала: вот идиот! А он, представь себе, на следующий день опять пришел. В руках – шикарный букет роз, на шее галстук болтается. Оказывается, вокал был только предлогом. Представь себе, он за мной несколько лет наблюдал, да все стеснялся подойти. Застенчивый он у меня жутко. Сан Саныч, ну что ты, в самом деле, так оробел? Давай-ка за стол садись и разливай уже, – попросила Зинаида.

Сан Саныч оживился, покорно сел и потянулся к запотевшему графину с беленькой. Зинаида тоже села, счастливо вздохнула, нежно посмотрела на Алю. Сан Саныч разлил водку по рюмкам, неуклюже закрыл графин, шумно поднялся, вытянул свою рюмку перед собой, громко сказал:

– За знакомство! – и плюхнулся обратно на стул.

Все дружно поддержали тост, чокнулись и выпили. Молча потянулись за закуской. Застучали вилки и ножи.

– Теть, как вкусно-то, неужели ты готовить научилась? – с наслаждением откусывая кусочек малосольного ароматного огурчика, похвалила Аля. С готовкой у тетушки всегда были проблемы. Стряпня Зинаиды была так ужасна, что Алечка предпочитала домашней кухне казенные столовские обеды в школе.

– Да ты что, Аля! – искренне возмутилась тетушка. – Это все Сан Саныч. Он у нас ответственный за домашние заготовки и питание, а я так – на стол собрать, комнату прибрать, посуду помыть...

– А... – протянула Алевтина, сглотнув слюну: больше она ничего сказать не смогла, тетушка добила ее окончательно.

– На грибочки налегай, Алечка. Селедочку попробуй, картошечку бери, пока горячая, курочку... Ой, как удачно все получилось! Сан Саныч, как ты с обедом-то подгадал. Как раз к приходу Алечки.

Сан Саныч от похвалы вновь зарумянился и нерешительно потянулся к графину, вопросительно глядя на Зинаиду.

– Наливай, наливай, – подбодрила Сан Саныча тетушка. – Радость-то какая неожиданно-негаданно на голову свалилась! Ах, Алечка! Как же я истосковалась по тебе! Вот только благодаря Сан Санычу и держалась. Ты уж меня прости, что не писала. Сначала обиженная на тебя была, а когда уж отлегло от сердца-то, смотрю, ты вроде пристроилась удачно. Ну, думаю, не буду писать. А то еще решишь, что я тебя обратно зову.

– Теть, ну какая же ты... – вспыхнула Аля. – Я же думала, что ты даже видеть меня не хочешь.

– Аля-Аля, – тяжело вздохнула Зинаида. – Как же ты могла такое подумать! У меня же, кроме тебя, никого ближе нет. Сан Саныч вот только. А ты почему не кушаешь? Страсть как отошала ты в своей Москве! И до этого-то худосочная была, а теперь и вовсе смотреть страшно. Аля, ты мне все, как на духу, расскажи. Что случилось? Почему у тебя такие синяки на лице? И зуб! Боже мой, передний зуб... Ты что, замуж неудачно высочила?

– Боже мой, тетя, ну ты и сказанула! – расхохоталась Алевтина. – Нет, я с лошади на съемках свалилась, – честно глядя тетке в глаза, соврала Аля. Посвящать тетушку в ужасные подробности недавнего происшествия Аля не хотела.

– Ужас какой! Бедная девочка! – сочувственно воскликнула тетушка. – Ну ничего, ничего, до свадьбы заживет. А зубик мы тебе новенький вставим, у меня и стоматолог на примете отличный есть. Зубки делает – от родных не отличишь. Правда, сейчас он редко кого берет.

– Мир да любовь! – влез Сан Саныч, призывая дам поднять рюмки.

– Да погоди ты со своей водкой, – мягко отмахнулась от жениха тетушка и продолжила: – Нужно чем-то его серьезно заинтересовать, чтобы он нас принял. Сан Саныч, может, тебе к нему сходить и гроб эксклюзивный предложить со скидкой? Он ведь старый уже, его это должно заинтересовать! – Сан Саныч в ответ с жаром закивал, и Зинаида с любовью посмотрела на суженого.

«Да уж, хорошего женишка отхватила себе тетушка: по-французски говорит, обед готовит, умеет делать отличную мебель, – размышляла Аля, – вот только живет рядом с кладбищем и гробы мастерит. Ну и что с того? Подумаешь...»

– Молодец, Алечка, что приехала, – продолжила тетушка. – Отлежишься, отоспишься, на свежем воздухе-то как хорошо! Дома-то оно всегда лучше.

– Теть, у тебя есть жестяное ведро с пластиковой ручкой, и вмятина там еще такая, в форме птички? – вдруг озабоченно спросила Алевтина.

Тетка с беспокойством посмотрела на девушку.

– Ведро? – после некоторого замешательства переспросила она.

– Да, это очень важно. Я имею в виду, дома... ну, в смысле, в нашем доме, – уточнила Аля.

– Ведро... кажется, есть... – неуверенно сообщила тетка.

– А ручка? – возбужденно уточнила Аля.

– Ручка? – испугалась тетка.

– Теть, ну пожалуйста, ответь на мой вопрос, – заныла Аля.

– Конечно, у ведра есть ручка, – категорично заявила тетушка и строго посмотрела на племянницу. – Аля, ты себя хорошо чувствуешь? Голова не болит? Завтра же пойдем делать рентген головного мозга, не исключено сотрясение...

– Тетя, нет у меня никакого сотрясения! – разозлилась Аля.

– Хорошо-хорошо, – постаралась успокоить племянницу Зинаида. – И все же, Алечка, падение с лошади – это...

– Тетя! – взвыла Алевтина.

– За прекрасных дам! – вновь влез Сан Саныч, он уже порядком захмелел и немного осмелел.

– Аля, прошу тебя – не нервничай, – не обращая внимания на Сан Саныча, сказала тетка. – Предположим, у меня есть старое жестяное ведро с ручкой и пластиковой рукояткой, по-моему, даже вмятина там была...

– Фу, слава богу! Значит, простое совпадение, – с облегчением вздохнула Аля и мигом повеселела. – Ой, я же тебе подарок привезла! – спохватилась она. – Только я его забыла дома.

– Ничего страшного. Как она, Москва-то? – улыбнулась Зинаида.

Алевтина не ответила. Они чокнулись, выпили, закусили. Некоторое время Алевтина задумчиво смотрела в окно, потом сказала смущенно и подавленно:

– Москва?... Не заладилось у меня в Москве, тетечка. Я ведь насовсем приехала. Никому я там не нужна.

– Как же так? – изумилась тетка. – Ты же писала, что регулярно снимаешься.

– Это правда, регулярно, – тяжело вздохнула Аля. – Только я такие роли поганые играла, что даже вспоминать стыдно. Ты только не пугайся, на шее у тебя я сидеть не собираюсь. Пару дней отлежусь, в себя приду – и работу буду искать. Я ведь после Москвы на что угодно согласна... Может, на рынке получится пристроиться.

– Да ты с ума сошла, Аля! – возмутилась тетушка. – Раз уж так дело повернулось, есть у меня для тебя работа, так сказать, по твоей специальности.

– По специальности? – удивилась Алевтина.

– Да. Вместе будем работать, в паре. Заказов достаточно, и платят великолепно. В трех соседних городах кладбища закрылись – мест нет, и покойников к нам везут.

– Теть, я ничего не понимаю, – Аля развела руками.

– А что тут непонятного? Люди сейчас, Алечка, очень скупы на слезы стали, расшевелить их надо. Ты же у нас актриса, вот и будешь изображать мировую скорбь и безутешность, – объяснила Зинаида. – Я уже около двух лет плакальщицей работаю и, между прочим, прилично зарабатываю.

– Плакальщицей! – округлила глаза Алевтина.

– Ну да. Работы полно, у нас сейчас аншлаг на кладбище, мне помощница не помешает. Соглашайся, Аля, тем более, как я тебе уже сказала, работа по специальности, – улыбнулась тетушка.

– Теть, это что же нужно делать? Покойников оплакивать? – растерялась Аля.

– Слава тебе, господи, поняла, – тяжело вздохнула тетка. – Только, Аля, хочу тебя сразу предупредить, работа только с виду легкая. Жизнь-то изменилась, заказчик очень привередливый пошел. У каждого свои требования. Но ничего, уверена, ты справишься. Так как? Будешь мне помогать?

– Да, – вяло отозвалась Аля: похоже, выбора у нее не было.

– Вот и чудесно! – обрадовалась тетушка. – Завтра и начнешь.

– Завтра уже?! – испугалась Алевтина.

– А что тянуть? У меня как раз заказ на одиннадцать утра. Посмотришь, как я это делаю, для начала.

– У меня ничего траурного нет, – попыталась отвертеться от слишком скорого мероприятия Аля.

– О, с этим никаких проблем. Этого добра у меня полно. Подберем тебе что-нибудь, не волнуйся, – подбодрила Алевтину тетушка.

– Тогда я домой пошла, – устало сообщила Аля.

– Уже, – расстроилась Зинаида. – А чайку?

– Спасибо, тетя, пойду я, – виновато сообщила Аля и встала из-за стола. – Мне еще устраиваться с ночевкой.

– Аля, подожди, я тебе с собой покушать соберу, а потом Сан Саныч тебя проводит, – засуетилась тетушка.

– Нет-нет, не стоит, – решительно отказалась Алевтина и, чмокнув тетушку в щечку, направилась к выходу.

– Аля! – окликнула Зинаида племянницу. – Я завтра с утра к тебе загляну. Завтрак принесу, помогу дом прибрать... Аля!..

Но Алевтина ее уже не слышала. Она торопливо шла к дому. Ей хотелось остаться одной, подумать и постараться переварить необычное предложение.

Глава 7

Генеральная уборка

Хмурое небо скупно и нудно сыпало на землю мелкий моросящий дождь. Под ногами хлюпала вязкая красно-бурая глина, липла к ботинкам, мешала ходить... Волосы стали влажными, выбились из-под черной косынки, растрепались, закрутились в дурацкие спиральки. Старенький прорезиненный плащ, найденный в кладовке, при каждом движении неприятно поскрипывал – цепляющий за душу звук. Это было хуже, чем услышать, как проводят куском пенопласта по асфальту, это было хуже, чем почувствовать на зубах песок, это было хуже, чем испытать, как вместо мела по школьной доске скользит ноготь...

На душе было скверно, под стать погоде. Тетка почему-то так и не зашла за ней с утра. Наверное, ее отвлекли дела, и Алевтина сама пришла к кладбищу немного раньше условленного срока.

В домике гробовщика никого не оказалось. Она несколько раз постучала в дверь, растерянно потопталась на крылечке и, решив, что опоздала к церемонии, направилась искать тетюшку на кладбище.

Кладбище было пустынно – ни тетки, ни Сан Саныча, вообще ни души... Что происходит? Куда все пропали?

Аля обошла кладбище еще раз и наткнулась на свежевырытую могилу. Ее темная пасть уже ждала своего вечного постояльца.

Странно, кажется, она уже проходила здесь, но ничего не видела.

Со стороны кладбищенских ворот послышались голоса, и Аля резко обернулась. На металлической каталке мужчина в грязной синей спецовке вез ярко-красный гроб, следом тянулась вереница незнакомых людей, с цветами и венками. Тетки среди них не было, и Аля занервничала. Девушка отошла от могилы и встала немного в стороне, с беспокойством выглядывая среди людей тетюшку. Траурная процессия приближалась – никто не плакал, все казались равнодушными и безучастными. Гроб подкатили к могиле, открыли крышку...

– Так, товарищи, кто еще не простился, у вас есть последняя возможность, – по-деловому сказал мужик в грязной спецовке, заметил Алю, сощурился и подошел к девушке.

– Ты, что ль, новая плакальщица? – оглядывая ее с ног до головы, сухо спросил он.

– А... ну... да... кажется, – проямлила Аля, испуганно глядя на мужчину.

– И чего? – насупился мужик.

– И чего? – переспросила Алевтина, практически теряя сознание.

– Ты, блин, чего делать должна? – разозлился мужик.

– Пла... пла... пла... – заикаясь, сообщила Аля.

– Так давай уже, блин, работай, – скомандовал мужик и не очень вежливо подтолкнул ее к толпе.

Во рту вдруг стало сухо. Аля робко подошла ближе, ругая про себя тетку, постаралась внутренне настроиться, открыла рот, заглянула в гроб и заорала во все горло: в гробу лежал продюсер Зеленцов, таращил на нее глаза и показывал язык!!!

– Аля, ну как же так можно, в самом деле, – раздался голос тетки за спиной. Аля обернулась, продолжая орать. Зинаида смотрела на нее с упреком и недовольством.

– Те-етя-а! Те-етя-а! – вопила Аля, но звука собственного голоса не слышала, как рыба, молча открывая рот.

– Аля! Так нельзя, – потрясла ее тетка за плечо. – Почему постель не разобрала? В шкафу чистое белье, подушки, одеяла. Лентяйка! Вставай, я покушать тебе принесла. Сколько же можно дрыхнуть, времени-то уже половина первого!

– Половина первого! – Аля открыла глаза, села на диване и ошарашенно огляделась.

Рядом сидела тетушка и смотрела на нее с нежным укором. Комната тонула в горячих лучах полуденного летнего солнца, по стенам скакали беспокойные солнечные зайчики, отраженные от разноцветных стразов теткиного браслета, в воздухе, в плотном солнечном свете, плавали микроскопические частички пыли...

– Душно у тебя как, – нахмурилась Зинаида. – Окно почему не открыла? На улице несусветная жара.

– Побоялась с непривычки, – равнодушно сообщила Аля, криво улыбнулась тетке и нервно потрянула головой, чтобы отогнать от себя остатки кошмара. В комнате и вправду стояла духота. Насквозь промокая от пота хлопчатобумажная футболка прилипла к спине, очень хотелось в душ.

– Нет, если ты боишься спать с открытым окном, почему же дверь на ночь не закрыла? – возмутилась тетушка.

– Я закрыла, кажется, – неуверенно сообщила Аля.

Ну да, вчера ей было лень разложить постель, и она улеглась на диване, накрывшись шерстяным пледом. За это и поплатилась. Девушка сняла футболку, набросила старый ситцевый халатик, чмокнула тетушку в горячую щеку и поплелась на кухню ставить чайник.

– Дверь была открыта, когда я пришла, – занудливо заявила тетушка, вырывая из рук племянницы спички и торопливо выключая конфорку, которую Алечка так и не смогла зажечь, только напустила в кухню газа. – Иди душ пока прими, – дала указание тетушка. – А я пока на стол накрою. Аля, Аля, как была ты непутевой, так и осталась...

– Теть, а как же мой первый рабочий день? – робко спросила Аля. – Получается, что я проспала?

– Нет, ты не проспала. Заказчик с утра позвонил и сказал, что в моих услугах он не нуждается. Передумал. Поэтому я и не стала тебя беспокоить. Подумала, что отоспаться и отдохнуть тебе не помешает. Но ты не волнуйся, на завтра тоже есть клиент, я его на двойной тариф раскрутила.

– Я и не волнуюсь, – улыбнулась Аля и ускользнула в ванную. Похоже, за время отсутствия племянницы тетушка приобрела еще одно не свойственное ей ранее качество – предпримчивость. Да, времена меняются, вздохнула Алевтина и включила душ.

Прохладная вода окончательно привела ее в норму. Посвежевшая, довольная Алечка вернулась на кухню, где ее уже ждал горячий завтрак и дымящаяся чашка чая с мятой. Чай с мятой она любила с детства, и Але стало приятно, что тетушка не забыла об этом ее пристрастии.

– Сан Саныч оладушки для тебя испек, – сообщила тетушка. – В холодильнике борщ и котлеты с картошкой на ужин. Я тебе еще колбаски, сырку, яичек купила.

– Теть, ну зачем? – смутилась Аля.

– Как это – зачем? – всплеснула руками тетка. – Ты же тощая, как скелет! Еще удивляется, что ее на плохие роли приглашали. Скажи спасибо, что хоть какие-то предлагали! Хотя... – задумчиво глядя на Алевтину, сказала тетка, – в роли плакальщицы ты будешь смотреться неплохо, гримироваться даже не особенно нужно...

– Спасибо за комплимент, – усмехнулась Аля.

Да, завтра будет день ее нового взлета в карьере актрисы. Пик творческого пути. Молодец, Аля! Отучилась во ВГИКе, чтобы в итоге найти работу на кладбище! Зато – по специальности. Будет где показать весь свой актерский талант. Опять же в некотором роде смена амплуа. Теперь она обречена играть только трагические роли. С какого только боку начать? Во сне у нее не получилось, выйдет ли что-то в реальности – вот в чем вопрос!

– Кушай-кушай, пока оладушки не остыли, – прервала ее философские размышления тетка. – Сметанку бери, мед... А хочешь варенье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.